

Исторія края.

Природа края наложила глубокий отпечатокъ на исторію населенія Слободской Украины. Она представляла собой по крайней мѣрѣ на протяженіи историческаго времени непрерывную борьбу двухъ началъ—*кочевничества*, тѣсно связаннаго со степями, ихъ пастбищнымъ просторомъ и безводіемъ и мало склоннаго къ высшимъ степенямъ культуры, и *осѣдлости*. Послѣдняя въ концѣ концовъ побѣдила. Побѣда однако явилась результатомъ продолжительной упорной борьбы, шедшей съ неравномѣрнымъ успѣхомъ и подъ часъ надолго дававшей перевѣсъ кочевникамъ, какъ это было во времена татарскаго нашествія. Кочевые народы, зарождаясь и накапливаясь гдѣ-то далеко въ степяхъ срединной Азіи, двигались отсюда время отъ времени, какъ волны, по степному югу востоку Европы, тѣснили или даже стирали съ лица земли жившихъ уже здѣсь своихъ предшественниковъ и вторгались въ смежную черту лѣса. Съ другой стороны и народы, осѣвшіе въ лѣсной полосѣ и поднявшіеся на болѣе высокую ступень развитія, частью изъ самозащиты, частью изъ стремленія къ новымъ мѣстамъ поселенія, въ свою очередь надвигались на степь. При этомъ они шли по пятамъ за лѣсомъ, дававшимъ имъ естественную защиту, и среди степей выбирали мѣста вблизи воды, окруженныя лѣсными дебрями. Поэтому колонизація нашего края тѣснѣйшимъ образомъ приурочена къ берегамъ рѣкъ, вообще покрытымъ когда-то густыми лѣсами, и шла съ запада и сѣвера на югъ и юго-востокъ. „Лѣсные“ сѣверо-западные уѣзды губерніи въ то-же время являются и наиболѣе старыми въ смыслѣ своей осѣдлой культуры. И наоборотъ, осѣдлая жизнь юго-восточныхъ „степныхъ“ уѣздовъ, какъ Курянской и Старобѣльскій, началась наиболѣе поздно.

Въ связи съ этимъ стоитъ съ одной стороны неодинаковая густота населенія тѣхъ и другихъ уѣздовъ (рѣзко убывающая

съ сѣверо-запада на юго-востокъ), а съ другой большая сохранность въ юго восточной части губерніи пережитковъ отдаленнаго прошлаго на только въ природѣ, но и въ области хозяйственной жизни населенія, менѣе испытывающаго повелительную власть малоземелья

Доисторическое прошлое.

На пространствѣ Харьковской губерніи человѣкъ живетъ съ незапамятныхъ временъ. Однако письменныя извѣстія о тѣхъ многочисленныхъ народахъ, которые смѣняли здѣсь другъ друга въ теченіи вѣковъ относятся только къ совершенно незначительному новѣйшему періоду, охватывающему всего одну-двѣ тысячи лѣтъ. Что же касается длиннаго ряда тысячелѣтій, предшествовавшаго этому періоду, то отъ него до насъ дошли только вещественныя памятники, различные остатки древности, нерѣдко встрѣчающіеся на территоріи нашей губерніи. Нынѣшніе жители мѣстностей, гдѣ встрѣчаются такіе памятники, совершенно не помнятъ и не знаютъ, кѣмъ и въ какое время оставлены тѣ или иные слѣды, но наука, которую называютъ *доисторической археологіей*, изучая всѣ остатки прежняго населенія, стремится установить, какія племена и когда жили въ той или иной области, и выяснить самый образъ жизни и бытъ этихъ доисторическихъ народовъ.

Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ многочисленнѣе и достовѣрнѣе дѣлаются письменныя свѣдѣнія, о томъ или иномъ народѣ, дошедшія до насъ отъ современныхъ ему, но болѣе культурныхъ племенъ, а затѣмъ уже оставленные и самимъ народомъ. Въ этихъ случаяхъ археологическое изученіе, основанное на вещественныхъ памятникахъ, и историческое, основанное на письменныхъ, идутъ рука объ руку, взаимно провѣряя и дополняя другъ друга.

Однимъ изъ весьма распространенныхъ у насъ мѣстонахожденій остатковъ древности являются *стоянки* доисторическаго человѣка. Это мѣста, гдѣ первобытный человѣкъ жилъ по временамъ при своихъ поискахъ дичи и рыбы. Онѣ расположены обычно близъ воды, по берегамъ рѣкъ, и особенно хорошо замѣтны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ покрытъ въ настоящее время голыми сыпучими песками. Здѣсь вѣтеръ, перенося песокъ съ мѣста на мѣсто отбѣиваетъ всѣ остатки доисторическаго человѣка, которые скопляются въ глубокихъ впадинахъ между песчаными дюнами. Въ такихъ котловинахъ выдуванія нерѣдко

смѣшаны остатки какъ самые древніе, такъ и болѣе новые, иногда почти современные. Это понятно, потому что мѣста удобныя для охоты и рыбной ловли, а также мѣста переправъ черезъ рѣки, посѣщались разными народами и въ самое различное время. Каждый народъ оставлялъ въ песчаныхъ слояхъ свои слѣды въ видѣ предметовъ, которые при выдуваніи песка оказываются соединенными вмѣстѣ.

Самыми обыкновенными изъ памятниковъ древности являются однако *курганы*, то-есть правильной формы иногда, очень высокія могильныя насыпи, —могилы“, какъ называется ихъ украинскій народъ, разбросанныя по всей Харьковской губерніи, какъ и по всей Украинѣ вообще. Курганы располагаются по одиночкѣ или группами, по нѣскольку вмѣстѣ, большіе и малые, иногда по нѣскольку десятковъ и даже сотенъ. Курганы встрѣчаются преимущественно на высокихъ мѣстахъ: на водораздѣлахъ, напримѣръ, къ востоку отъ Ахтырки, или вдоль рѣкъ, главнымъ образомъ на крутыхъ берегахъ, напримѣръ, по Волчѣй выше Волчанска, по Осколу выше Купянска и вдоль всѣхъ рѣкъ Старобѣльскаго уѣзда. Иногда группы кургановъ и отдѣльные курганы тянутся вдоль рѣки почти непрерывно.

Рѣже встрѣчаются *майданы*. Это насыпи, такой же высоты, какъ курганы, но имѣющія форму кольца, иногда окруженные еще боковыми валами, расходящимися въ стороны, дугообразными, или неправильными. На Украинѣ майданы носятъ имя „раскопанныхъ могилъ“. Въ послѣднее время приходятъ къ заключенію, что въ большинствѣ случаевъ это, дѣйствительно, остатки кургановъ, раскопанныхъ въ прежнее время для выварки изъ курганной земли селитры.

На нѣкоторыхъ курганахъ уцѣлѣли до нашего времени *каменные бабы*. Это сдѣланныя изъ мягкаго камня фигуры, изображающія людей—мужчинъ и женщинъ. Къ сожалѣнію, много каменныхъ бабъ по невѣжеству было разбито и попорчено, однако еще недавно во всей губерніи насчитывалось свыше ста каменныхъ бабъ, частью стоящихъ еще на курганахъ, частью перевезенныхъ въ имѣнія или села. Больше всего ихъ сохранилось въ Изюмскомъ уѣздѣ, отчасти въ Зміевскомъ, Старобѣльскомъ и Купянскомъ, въ остальныхъ уѣздахъ бабы представляютъ величайшую рѣдкость. Вообще же эти памятники необходимо охранять самымъ тщательнымъ образомъ.

Значительно рѣже, чѣмъ курганы, встрѣчаются *городища*, то-есть укрѣпленные мѣста по берегамъ рѣкъ, часто при впаденіи одной рѣки въ другую, обнесенные земляными валами и окопанные рвами. Извѣстно также городище въ Верхнемъ Салтовѣ, имѣвшее стѣны, сложенные изъ камня; теперь почти всѣ

камни расташены жителями. Городища рѣдко служили для житья. Это видно уже потому, что они лежатъ на крутыхъ, неприступныхъ мѣстахъ, да и пространство обыкновенно занимаютъ очень небольшое, такъ что жить на городищахъ можно было только временно. Можно думать, что городища были укрѣпленіями возлѣ древнихъ поселеній, куда, въ случаѣ приближенія враговъ, жители спасались со своимъ скотомъ и имуществомъ, и тамъ отсиживались и отбивались короткое время, пока враги не уйдутъ.

Въ немногихъ мѣстахъ Харьковской губ. извѣстны *могильники*—это древнія кладбища, содержащія множество погребеній, расположенныхъ другъ возлѣ друга. Съ поверхности могильникъ можетъ быть совершенно незамѣтенъ, и открывается случайно при земляныхъ работахъ или при размываніи водою поверхности. Очень большія курганныя группы тоже называютъ могильниками.

Наконецъ, къ остаткамъ древности принадлежатъ также и *клады*—спрятанныя въ землю вещи, часто и деньги, которыя открываются всегда случайно и относятся къ самому различному времени и *случайныя находки* самыхъ различныхъ предметовъ.

Изучая всѣ перечисленные и другіе памятники, археологія давно уже установила, что въ глубочайшей древности люди совершенно не знали употребленія металловъ. Они приготовляли свои орудія и оружіе изъ дерева, рога и камня, какъ нѣкоторыя племена дикарей, живущія еще и теперь въ Австраліи. Это время въ исторіи человѣчества называется *каменнымъ вѣкомъ*. Много позже люди выучились пользоваться металлами—сначала мѣдью, которую вскорѣ стали сплавлять съ оловомъ, получая болѣе твердый и красивый металлъ—бронзу. Время, когда для орудій и украшеній употреблялась уже бронза, называютъ *бронзовымъ вѣкомъ*. Наконецъ человѣкъ выучился обрабатывать самые тугоплавкіе металлы, изъ которыхъ важнѣйшій—желѣзо, и съ этого момента начинается *железный вѣкъ*, который продолжается и понынѣ.

Каменный вѣкъ раздѣляется на древній, когда человѣкъ былъ совершеннымъ дикаремъ, вѣлъ бродячій образъ жизни и занимался исключительно охотой и рыбной ловлей. Онъ умѣлъ дѣлать орудія только отбитыя изъ камня. Это время называется *палеолитическимъ періодомъ*¹⁾ и совпадаетъ съ четвертичнымъ періодомъ въ геологіи. Здѣсь остатки человѣка и его издѣлій встрѣчаются вмѣстѣ съ костями вымершихъ животныхъ: мамонта, перегородчатоносаго носорога и др. Въ Харьковской губерніи остатковъ палеолитическаго чело-

¹⁾ Палеолитическій, по-гречески, древне-каменный.

вѣка до сихъ поръ не найдено, хотя они могутъ встрѣтиться въ будущемъ, такъ какъ въ сосѣднихъ губерніяхъ—Полтавской (с. Гонцы Лубенск. у.) и Воронежской (с. Костенки Ворон. у.) такія находки извѣстны.

Много тысячелѣтій прошло прежде, чѣмъ человѣкъ выучился разводить домашнихъ животныхъ, сначала собаку, потомъ козу, овцу, свинью, крупный рогатый скотъ, наконецъ лошадь, въ то же время онъ изобрѣлъ способъ изготовленія глиняной посуды, а свои каменные орудія научился гладко шлифовать и просверливать. Этотъ новый каменный вѣкъ наступилъ только въ современную геологическую эпоху, когда остались только животныя, какія живутъ и въ настоящее время и называется въ археологіи *неолитическимъ періодомъ*¹⁾.

Неолитическій періодъ

раздѣляется на двѣ эпохи. Въ началѣ его наибольшимъ распространеніемъ пользовались очень маленькія отбивныя орудія, имѣющія форму треугольниковъ, полулуній и т. п., также очень тонкія кремневые пластинки. Орудія такого рода встрѣчаются всегда по берегамъ рѣкъ, что объясняется ихъ назначеніемъ. Большинство ихъ служило зазубринами для гарпуновъ, но

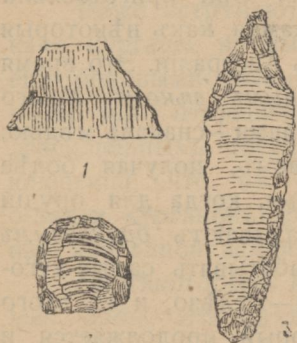

Рис. 117. Ранне-неолитическія орудія. 1. Зазубрина для гарпуна. 2. Скребокъ. 3. Наконечникъ стрѣлы. Дюны близъ дер. Кицевки Волчанск. у.

иныя могли употребляться, какъ наконечники стрѣлъ, для рѣзбы на кости и для татуировки. Изрѣдка встрѣчаются черепки очень плохо выжженной глиняной посуды. Орудія этого времени встрѣчаются во многихъ мѣстахъ по Донцу, а также по Ворсклѣ, на песчаныхъ площадяхъ. Замѣчательная мастерская этихъ орудій находится близъ с. Кочетка Волчанск. у. Здѣсь встрѣчено громадное количество осколковъ кремня, куски камня, рѣдкіе черепки и многочисленныя мелкія орудія (рис. 117).

Позже неолитическій человѣкъ выдѣлываетъ чрезвычайно искусно разнообразнѣйшія отбивныя орудія, а также превосходно шлифуетъ и полируетъ камень. Стоянки этого времени весьма многочисленны по песчанымъ берегамъ Донца, Ворсклы, Оскола и другихъ рѣкъ. Вѣтеръ, передвигая песокъ, обнажаетъ здѣсь слои древней почвы, смѣшанной съ золою и углями, битыми и жжеными костями, кусками различнаго камня, кремневыми

¹⁾ Неолитическій — ново-каменный.

осколками и орудіями и громаднѣмъ количествомъ черепковъ. Кости принадлежатъ домашнимъ животнымъ, изрѣдка и чело-
вѣку. Кремневые орудія сдѣланы съ величайшимъ искусствомъ
(рис. 118). Это—скребки—большіе закругленные куски кремня, слу-
жившіе для очистки и выдѣлки шкуръ, ножи—кремневые пластины,
иногда оббитыя съ краевъ, разнообразнѣйшіе наконечники ко-
пій и стрѣлъ, острые шилья для кожи. Здѣсь же часто можно

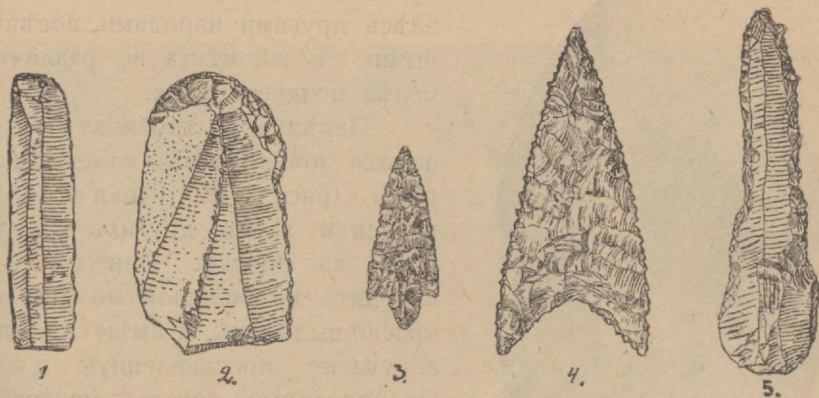

Рис. 118. Поздне-неолитическія кремневые орудія. 1. Ножъ. 2. Скребокъ. 3 и 4. Наконечники стрѣлъ. 5. Шило. Стоянка у с. Черкасскій Бишкинь Зміевск. у.

найти „ядрища“—куски кремня отъ котораго со всѣхъ сторонъ
отбиты пластинки, многочисленные осколки и отбойники—орудія,
служившія для обработки кремня, и поэтому состоящія обычно
изъ болѣе вязкихъ породъ камня.

Рис. 119. Черепки поздне-неолитическихъ сосудовъ. Стоянка у с. Черкасскій Бишкинь Зміевск. у.

Черепки глиняной посуды украшены разнообразнѣйшими
узорами, сдѣланными на сырой глинѣ палочкой, косточкой, ног-
темъ, отпечаткомъ веревки и пр. Часто они имѣютъ на краю

дырочки. Иногда весь сосудъ сплошь покрытъ красивымъ рисункомъ, но выдѣлка посуды очень грубая—безъ гончарнаго круга и обжигъ слабый и неровный (рис. 119).

Часто вмѣстѣ съ предметами каменнаго вѣка на стоянкахъ попадаются бронзовыя стрѣлы и украшения, стеклянныя бусы, даже желѣзныя вещи, монеты и пр. Всѣ эти предметы оставлены здѣсь другими народами, посѣщавшими тѣ же мѣста въ различное, болѣе позднее время.

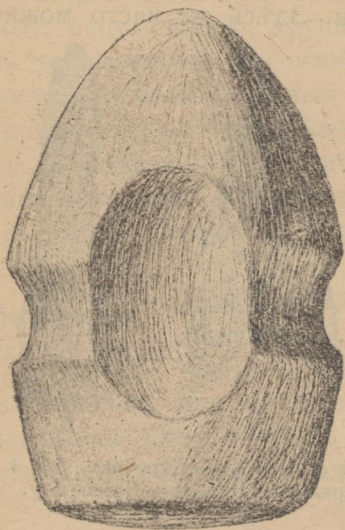

Рис. 120. Каменный полированный топоръ съ углубленіемъ и желобомъ для привязыванія. $\frac{2}{3}$ натур. величины. Хут. Зливка Изюмск. у.

Изрѣдка ни стоянкахъ встрѣчаются полированные каменные топоры (рис. 120); иногда ихъ находятъ и въ другихъ мѣстахъ, напр., на поляхъ. Они больше походятъ на большой молотъ, прекрасно выдѣланы, и имѣютъ обычно аккуратно просверленную дыру. Полированные топоры употреблялись еще долго послѣ конца каменнаго вѣка. Нѣсколько ихъ найдено въ Богодуховскомъ, также въ Изюмскомъ и др. уѣздахъ. Неолитическій періодъ начался десятки тысячъ лѣтъ назадъ а около 7000 лѣтъ до Р. Х. въ

Южной Россіи распространяется знакомство съ мѣдью и начинается бронзовый вѣкъ.

Бронзовый вѣкъ.

Остатки бронзоваго вѣка въ нашей губерніи многочисленны. Къ этому времени относится значительная часть кургановъ, именно курганы со скорченными и окрашенными костяками. Въ нихъ находится одно

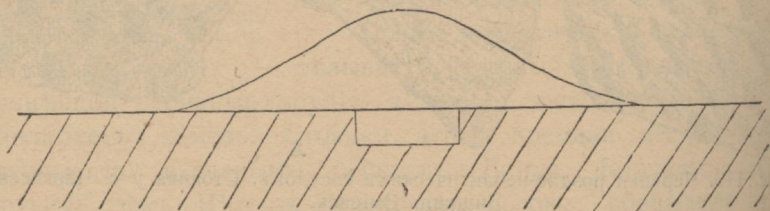

Рис. 121. Разрѣзъ кургана со скорченнымъ костякомъ.

иногда два погребенія, помѣщенные въ ямахъ (рис. 121), иногда покрытыя деревянной обкладкой или въ деревянныхъ срубахъ.

Костяки лежатъ на боку, съ подогнутыми ногами, одна рука на груди, другая подложена подъ голову, вообще, въ положеніи спящаго человѣка (рис. 122). При костякахъ находятся кремневые орудія, костяныя пряжки, иногда предметы изъ оленьяго рога и мѣдные или бронзовые кинжалы. Чаше же всего сосуды—одинъ или два, въ которые, очевидно, помѣщалась пища и питье для покойника.

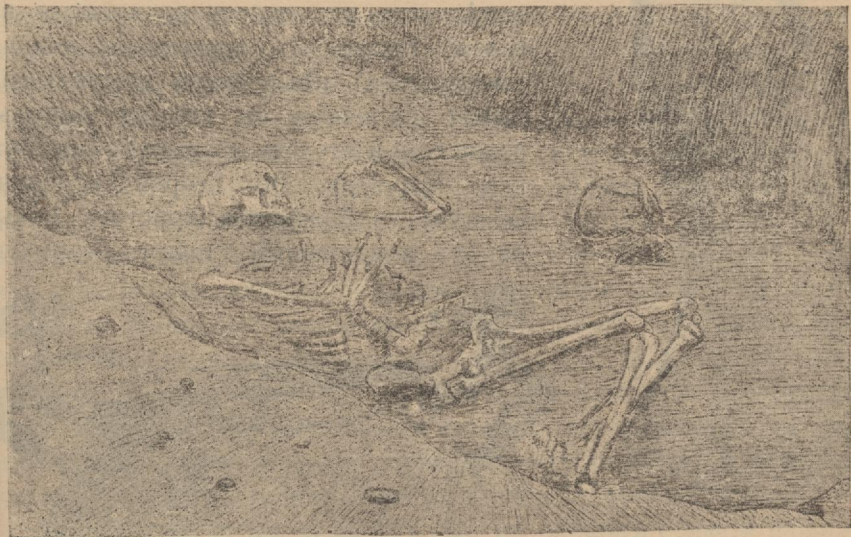

Рис. 122. Погребеніе со скорченнымъ костякомъ. При скелетѣ сосудъ и мѣдный кинжалъ. Волчанскъ,

Въ нѣкоторыхъ курганахъ встрѣчаются костяки въ вытянутомъ положеніи, лежащіе не въ ямѣ, а на поверхности земли, на спинѣ, съ костями, окрашенными въ красный цвѣтъ. Повидимому, окраска происходитъ отъ того, что трупъ посыпался красной краской, кусочки которой иногда сохраняются. При этихъ погребеніяхъ попадаютъ сосуды, костяныя и бронзовые предметы. Очевидно, окрашенные костяки относятся также къ бронзовому вѣку, но къ болѣе позднему времени. Еще позже вошло въ обычай не насыпать новые курганы, а хоронить въ готовыхъ уже курганныхъ насыпяхъ, которыя послѣ этого немного подсыпались. Нерѣдко въ нижней части кургана лежитъ окрашенный костякъ, а въ насыпи скорченный. О народѣ, которому принадлежатъ эти курганы, историческихъ свѣдѣній нѣтъ, мы не знаемъ даже, какъ онъ назывался.

Мѣдно-бронзовый вѣкъ въ нашихъ мѣстахъ начинается за 7 тысячъ лѣтъ до Рождества Христова и кончается приблизительно за 600 лѣтъ до Р. Х., когда въ нашихъ степяхъ появ-

ляются скифы, которые приносят съ собою знакомство съ желѣзомъ.

Скифы.

Уже за 650 лѣтъ до Рождества Христова на побережьи Чернаго моря основываются первыя греческія колоніи. Приблизительно въ то же время въ южно-русскихъ степяхъ водворяются скифы — кочевой народъ, пришедшій изъ Азіи, который вытѣсняетъ или покоряетъ прежнее население степей. Съ греческими колоністами, послѣ нѣкоторыхъ столкновений, скифы вступаютъ въ мирныя торговыя отношенія и отчасти стараются перенять ихъ культуру. Во второй половинѣ IV вѣка до Рождества Христова новый народъ родственныи скифамъ — сарматы,

Рис. 123. Мѣдный топоръ $\frac{2}{3}$ натур. величины. Куряжскій монастырь Харьк. у.

Рис. 124. Скифская золотая бляшка. Хут. Настенкинъ Богодух. у.

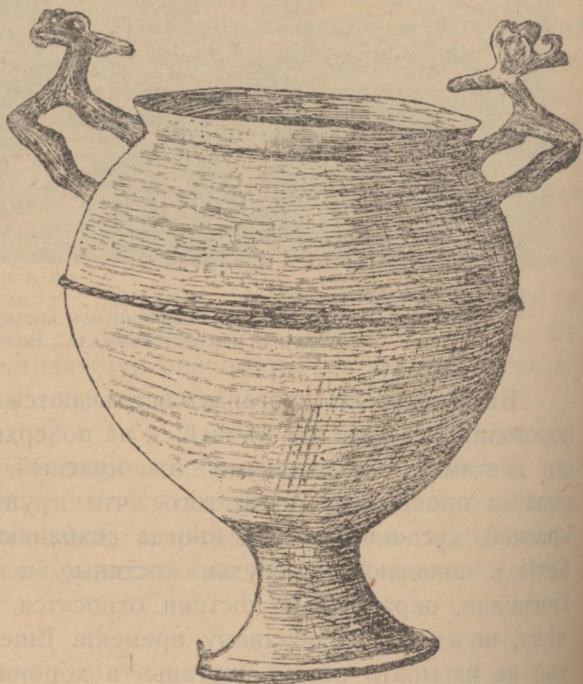

Рис. 125. Скифскій бронзовый котель. Старобѣл. у.

приходитъ по ихъ слѣдамъ, и во II вѣкѣ захватываетъ власть надъ всею скифскою областю, гдѣ удерживается еще лѣтъ триста послѣ Р. Х.

Скифы и сарматы простирали свою власть, вѣроятно, на всю степную часть нынѣшней Украины, но самыя сильныя и богатяя племена „царскіе скифы“ жили по Днѣпру и ближе къ

Азовскому морю. Громадные курганы скиѳовъ отличаются чрезвычайнымъ богатствомъ погребеній, при чемъ цари хоронились вмѣстѣ съ женами, слугами или рабами, лошадьми, иногда и колесницами. При погребеніяхъ находится большое количество разнообразныхъ предметовъ: оружіе изъ бронзы и желѣза—кинжалы, ножи, мечи, топоры, копья, колчаны съ бронзовыми, рѣдко желѣзными, стрѣлами, щиты и пр. Оружіе оправлено золотомъ и украшено рѣзбой, колчаны обложены золотыми фигурными пластинами. Одежда расшита золотыми штампованными бляшками, пластинками, которыхъ иногда находили нѣсколько сотъ штукъ, съ изображеніемъ людей, львовъ, оленей (рис. 124), грифоновъ, орловъ, кабановъ, головы Медузы и пр. четырехугольной, треугольной, круглой и продолговатой формы. Часто встрѣчались также золотыя бусы, пуговицы, бубенчики, серьги, кольца, браслеты, шейные обручи. При погребеніяхъ находилась посуда черная глиняная, иногда серебряная и золотая съ замѣчательными изображеніями изъ жизни скиѳовъ, вѣроятно греческой работы, а также громадные бронзовые котлы на высокой ножкѣ съ нѣсколькими ручками, иногда въ видѣ козловъ (рис. 125). Въ сосудахъ помѣщались кости животныхъ, въ котлахъ попадались даже кости цѣлаго барана. Скелеты лошадей помѣщались цѣликомъ съ дорогимъ упряжнымъ уборомъ. Большинство скиѳскихъ кургановъ раскопано кладоискателями уже въ глубокой древности.

Харьковская губернія находилась на окраинѣ области вліянія скиѳовъ и такихъ богатыхъ погребеній въ ней не встрѣчали; однако въ Богодуховскомъ и Валковскомъ уѣздахъ раскопаны были курганы съ характерными скиѳскими вещами.

Бронзовыя трегранныя, рѣже двулопастныя стрѣлы (рис. 126) а также черепки хорошо выжженной красной посуды въ видѣ высокихъ большихъ амфоръ съ узкимъ горломъ, острымъ дномъ и большими ушками, встрѣчаются очень часто въ Харьковской губ. по берегамъ рѣкъ на дюнахъ и въ другихъ мѣстахъ. Эта посуда, вѣроятно, съ виномъ, и наконечники стрѣлъ, очевидно, при посредствѣ скиѳовъ распространялись путемъ торговли изъ греческихъ колоній далеко къ сѣверу.

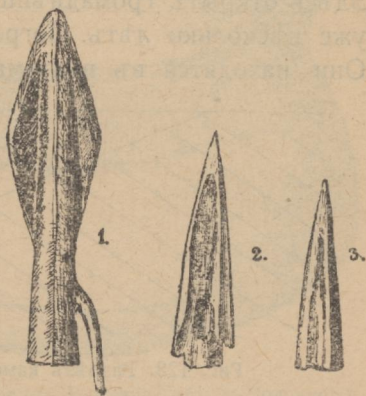

Рис. 126. Скиѳскія бронзовыя стрѣлы. Райгородокъ Изюмск. у.

Вслѣдъ за скиѳо-сарматами съ востока изъ Азіи двигались другіе кочевые народы, вытѣснявшія другъ друга по направленію къ западу.

Готы. Въ III и IV вѣкахъ послѣ Р. Х. на территоріи Украйны водворяются на нѣкоторое время готы — германское племя, пришедшее сюда изъ бассейна Вислы. Готскія погребенія иногда встрѣчаются въ нашей мѣстности. Характерными предметами для нихъ являются фибулы—пряжки, своеобразной формы, украшенные орнаментомъ (рис. 127).

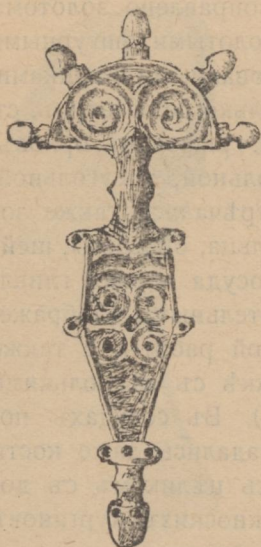

Рис. 127. Готская бронзовая фибула. Хут. Березовка Ахтырск. у.

Однако вскорѣ готы отступаютъ на западъ подъ давленіемъ новыхъ потоковъ азіатскихъ кочевниковъ, различныхъ монгольскихъ племенъ, каковы гунны въ IV вѣкѣ, болгары въ VI вѣкѣ, авары въ VI—VIII вѣкѣ, хозары въ VIII—X вѣкахъ. Всѣ эти племена вели кочевой образъ жизни и проходили черезъ степь, въ которой было мѣстами уже и осѣдлое славянское населеніе. Кочевники насыпали надъ своими покойниками курганы, гдѣ находятъ погребенія съ конемъ, при конѣ удила и стремена, при всадникѣ копья, сабли, лукъ со стрѣлами. Оружіе все желѣзное, украшенія же бронзовыя, рѣдко желѣзныя.

Хозары. Изъ этихъ кочевыхъ племенъ одно имѣло въ Харьковской губерніи даже городъ, находящійся на мѣстѣ нынѣшняго села Верхняго Салтова въ Волчанскомъ уѣздѣ. Здѣсь открытъ громаднѣйшій могильникъ, который раскапывается уже нѣсколько лѣтъ. Погребенія ничѣмъ снаружи не отмѣчены. Они находятся въ подземной камерѣ, къ которой ведетъ узкій

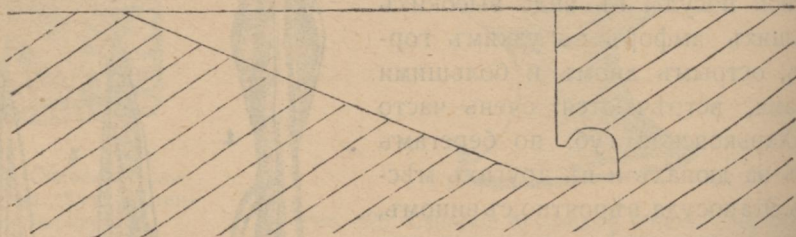

Рис. 128. Разрѣзъ камеры Верхне-Салтовскаго могильника.

коридоръ, углубляющійся иногда аршина на четыре въ землю (рис. 128). Камера выдолблена подъ землею и въ ней лежитъ одинъ, а чаще два или три скелета, иногда и больше. Вѣроятно, цѣлое семейство хоронили постепенно въ одной камерѣ. При

мужскихъ погребеніяхъ находятъ оружіе: узкіе топорики или сѣкиры, ножи, мечи, украшенія: кольца, перстни, запонки изъ бронзы, на кожаной обуви оловянные пряжки, на поясахъ бронзовыя бляшки; платье иногда украшено бубенчиками, служившими вмѣсто пуговицъ. При женскихъ погребеніяхъ множество бусъ—стеклянныхъ, каменныхъ, изъ раковинъ, очень разнообразныхъ и красивыхъ, пронизки и подвѣски (рис. 129), браслеты, кольца, серьги бронзовыя и золотыя, цѣпочки, на которыхъ висятъ туалетныя принадлежности, иглы, щипчики, ухвертки, кисточки и коробочки, вѣроятно съ румянами и т. п., зеркальца изъ полированной бронзы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранились ткани шелковыя и шерстяныя съ красивыми узорами. Въ каждой камерѣ стоятъ глиняныя кубышки и горшки отличной выдѣлки, чернаго цвѣта съ узоромъ, сдѣланнымъ по сырой глинѣ черточками и рѣшеткой (рис. 130). Въ сосудахъ часто лежатъ кости теленка или барана—остатки пищи, поставленной покойнымъ ихъ родственниками. Въ богатыхъ погребеніяхъ находили неоднократно и лошадей, голова которыхъ разукрашена серебряными или мѣдными бляхами, налобникомъ и пр. (рис. 131). Въ видѣ украшеній употреблялись также и монеты, чаще всего

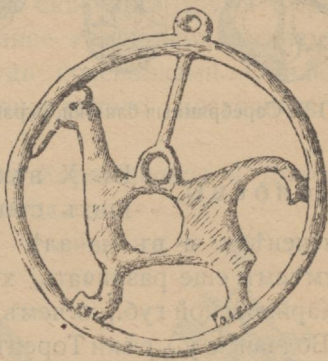

Рис. 129. Бронзовая подвѣска. Верхній Салтовъ Волчанск. у.

Рис. 130. Глиняный сосудъ. Верхній Салтовъ Волчанск. у.

арабскія, которыя указываютъ, что городъ существовалъ съ VII до начала X вѣка. Предметы могильника обнаруживаютъ замѣчательное сходство съ нѣкоторыми могильниками Сѣвернаго Кавказа. Очевидно, какой-то кочевой народъ имѣлъ мѣстами на этомъ пространствѣ

крупныя поселенія. Предполагаютъ, что народъ этотъ былъ подвластенъ хозарамъ, царство которыхъ занимало примѣрно это пространство.

Рис. 131. Серебряныя бляшки, украшенія сбруи и бронзовыя пряжки. Верх. Салтовъ Волч. у.

Половцы. Въ X вѣкѣ Хозарское царство распалось, и въ нашихъ степяхъ появляются новые народы, сначала печенѣги, а въ началѣ XI в. торки. Ихъ памятниковъ мы не умѣемъ еще различать, хотя эти народы должны были пройти по Харьковской губ., о чемъ свидѣлствуютъ названія села Печенѣги (Волчанск. у.), рѣки Торець и города Тора (нынѣ Славянскъ Изюм. у.).

Наконецъ половцы, такіе же выходцы изъ Азіи, господствовали въ „половецкой степи“ отъ половины XI до половины XIII вѣка и памятниками ихъ господства считаютъ каменныхъ бабъ (рис. 132). Эти изваянія еще до настоящаго времени встрѣчаются на многихъ

Рис. 132. Каменная баба. С. Васильковка Павлоградск. у. Екат. губ.

курганахъ Южной Россіи. Бабы изображаютъ человѣческую фигуру, мужскую или женскую въ натуральную величину или больше, сдѣланую изъ дикаго камня, — песчаника, иногда известняка. Нѣкоторыя въ стоячемъ положеніи, другія въ сидячемъ. Руки сложены на животѣ, а въ рукахъ бабы держатъ что-то въ родѣ сосуда. На головѣ остроконечная шапка, на шеѣ иногда нѣчто вродѣ воротника, на поясѣ виситъ ножъ и гребешокъ; у женскихъ фигуръ на головѣ сложный уборъ, на спинѣ длинныя косы, въ ушахъ серьги.

Славяне.

Въ то время, когда эти орды

кочевниковъ проходили по Харьковской губерніи, здѣсь уже

вѣроятно, съ X—XI вѣка было осѣдлое славянское населеніе. Ему принадлежатъ во многихъ случаяхъ городища, а также и часть кургановъ. Изъ городищъ нѣкоторыя служили укрѣпленіями для различныхъ народовъ и въ разное время, такъ напримѣръ, на городищѣ близъ Коробова хутора Зміевского у. были найдены византійскія и пантикапейскія монеты, а у подножья его обломки красной амфоры, занесенной, вѣроятно, скифами. Другія городища, какъ Верхне-Салтовское, обнесенное каменными стѣнами, вѣроятно, были построены какими нибудь кочевниками. Однако, большинство городищъ, вѣроятно, принадлежало постоянному, осѣдлому населенію края—славянамъ.

Наилучше изслѣдованными являются Хорошевское и Донецкое городища на р. Удахъ, притокъ Донца.

Донецкое городище находится въ семи верстахъ отъ Харькова близъ ст. Карачевки. Оно лежитъ на высокомъ правомъ берегу р. Уды въ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ маленкій, пересыхающій ручеекъ, текущій по дну оврага. Обрывистый берегъ защищаетъ подступъ къ городищу со стороны рѣки, на остальномъ пространствѣ оно защищено отчасти оврагомъ, отчасти глубокимъ рвомъ и насыпными валами. Дворъ городища имѣетъ длину около 30 и ширину около 15 сажень. При раскопкахъ городища были обнаружены слѣды каменной кладки, служившей для укрѣпленія крутыхъ откосовъ городища. Валы же были укрѣплены слоями пережженной глины, которая обжигалась на мѣстѣ, какъ можно судить по большому количеству углей и золы, находящихся въ срединѣ валовъ. Въ срединѣ городища обнаружены остатки очаговъ и землянокъ съ деревянными столбами. Было выкопано много

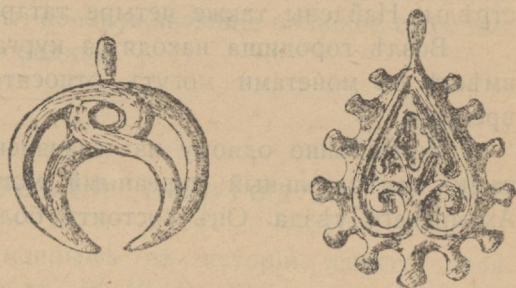

Рис. 133. Бронзовая лунница и сердцевидная подвѣска. Ницаха Ахтырск. у.

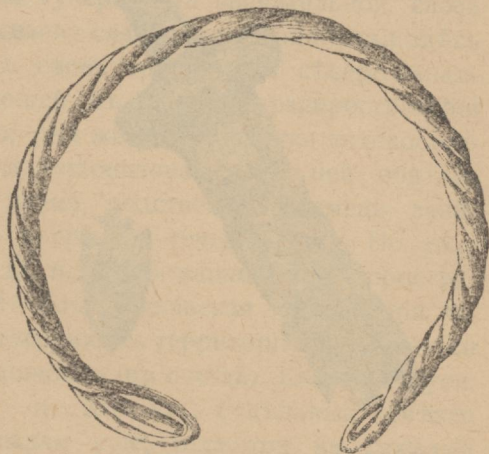

Рис. 134. Бронзовый браслетъ. Славянскій могильникъ. Ницаха Ахтырск. у.

костей животных дикихъ, какъ медвѣдь, лось, олень, бобръ, заяцъ, утка, различные виды рыбъ, такъ и домашнихъ, каковы собака, свинья, овца, корова, лошадь, курица. Изъ вещей найдены кремневая стрѣла, обломокъ каменнаго топора, обломки костяныхъ предметовъ, каменные и глиняныя пряслицы, глиняныя грузила для сѣтей и множество черепковъ глиняной посуды. Сосуды имѣли форму горшковъ, рѣже кувшиновъ и кружекъ; края ихъ отогнуты, иногда въ складку. Черепки украшены простымъ круговымъ или волнистымъ узоромъ, иногда на краяхъ имѣютъ дырочки, а на днѣ клейма. Изъ металлическихъ предметовъ найдены мѣдная привѣска, обломки бронзоваго котла, бронзовое кольцо, гирька для вѣсовъ, желѣзные шлаки, гвозди, ножи, кресала, наконечникъ стрѣлы. Найдены также четыре татарскія монеты XIV вѣка.

Возлѣ городища находятся курганы и погребенія, которыя вмѣстѣ съ монетами могутъ относиться и къ болѣе позднему времени.

Несомнѣнно одному изъ славянскихъ племенъ принадлежитъ также замѣчательный курганный могильникъ близъ с. Ницахи Ахтырскаго уѣзда. Онъ состоитъ болѣе чѣмъ изъ 150 неболь-

шихъ кургановъ, отчасти уже совершенно распахан-ныхъ. Въ насыпи кургановъ встрѣчались зола, угли, разбитыя кости животныхъ, иногда сосуды. Могилы неглубокія, длиною съ запада на востокъ, выложены досками, иногда встрѣчались выдолбленные изъ дерева гробы. Нерѣдко подъ гробомъ и сверху присыпка изъ золы и угля. Въ курганахъ находились какъ одиночныя погребенія, такъ и погребенія двухъ, трехъ и до семи скелетовъ, лежащія на спинѣ, съ протянутыми ногами, головою на западъ. При нихъ найдены сильно выжженные простыя горшки съ узо-

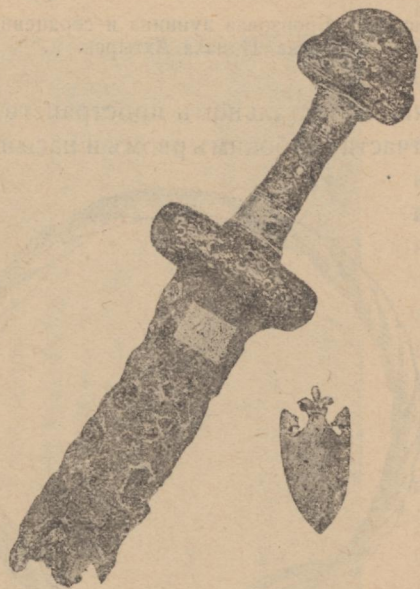

Рис. 135. Желѣзный норманскій мечъ съ серебряной рукояткой и бронзовымъ наконечникомъ ноженъ. Краснянскъ Купянск. у.

ромъ въ видѣ ряда полосокъ или волнистой линіи вверху, у

пояса желѣзные ножи, изрѣдка желѣзные наконечники стрѣлъ. При женскихъ погребеніяхъ на вискахъ бронзовыя или серебряныя кольца, у молодыхъ дѣвушекъ также головные уборы изъ шелка или парчи съ серебрянымъ вѣнчикомъ и массой серебряныхъ колецъ въ видѣ бахромы, кольца въ волосахъ, переплетенныхъ шелковыми шнурками, серьги. Воротникъ одежды шелковый, тканый золотомъ съ позолоченными или стеклянными пуговицами. Богатыя ожерелья изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ, съ привѣсками изъ бронзы, рѣже изъ серебра въ видѣ лунницъ, кружковъ, сердцевидныхъ розетокъ (рис. 133), медальоновъ. Часто находились бронзовые браслеты (рис. 134) изъ трегранный, четырехгранной или витой проволоки и такія же кольца и перстни.

Близъ могильника находятся два городища, на которыхъ найдены различные предметы, обнаруживающіе большое сходство съ предметами Донецкаго городища.

Историческій періодъ.

Дикое поле
до XVI в.

Наиболѣе туманнымъ въ исторіи нашего края является періодъ съ VI по XVI в. послѣ Р. Х. Для сужденія о немъ мы имѣемъ лишь крайне скудные письменные источники и тѣ отрывочныя архелогическія данныя, которыя приведены на предыдущихъ страницахъ.

Въ VI в. послѣ Р. Х., когда происходило разселеніе восточныхъ славянъ, Харьковская губернія въ значительной своей части, можно думать, была заселена славянами. Какія жили здѣсь славянскія племена, установить очень трудно. Въ сѣверо-западной части губерніи, примыкающей къ области распространенія сѣверянъ, надо полагать, жили они же. Что касается юго-восточной части, поскольку она была колонизована, въ ней обитало неизвѣстное намъ славянское племя, родственное племени, занимавшему въ то время нижнее и среднее теченіе Дона. Но уже, начиная съ другой половины IX в., подъ вліяніемъ распространенія въ степяхъ печенѣжской орды славянская колонизація начинаетъ постепенно уступать кочевникамъ территорію и подаваться въ предѣламъ княжествъ, входившихъ въ составъ Кіевской Руси.

Однако въ теченіе XI и XII ст. отдѣльныя гнѣзда славянскихъ поселеній продолжали еще, несмотря на тяжелыя условія, держаться въ степяхъ какъ при печенѣгахъ, такъ и при смѣнившихъ ихъ во второй половинѣ XI вѣка половцахъ. Сѣверо-западная часть нашей губерніи входила въ это время въ составъ Переяславскаго княжества, на долю котораго выпала

главная тяжесть борьбы съ кочевниками. Безпокойную жизнь вело въ это время населеніе, то уходя при приближеніи кочевниковъ изъ своихъ насиженныхъ мѣстъ, то снова занимая ихъ, когда борьба съ ними принимала благопріятный оборотъ. Нѣкоторыя изъ городищъ Харьковской губерніи, несомнѣнно, въ эту эпоху были передовыми укрѣпленіями Переяславщины, прикрывавшими отъ половцевъ подступы къ княжеству. Таковыми можно считать въ Сумскомъ уѣздѣ Вирское городище (нынѣшнее Бѣлополье, въ Ахтырскомъ—Ницахское, Котелевское, въ Харьковскомъ—Донецкое), Хорошевское и др. Предпринимая походы на половцевъ, князья углублялись въ степи въ предѣлы нашей губерніи, встрѣчали по пути славянскія поселенія и доходили иногда даже до Дона. Послѣ удачныхъ походовъ русскихъ князей на половцевъ въ началѣ XII в. кочевья ихъ были значительно отодвинуты къ югу, но съ половины XII в. положеніе опять измѣнилось къ худшему и Украинѣ, какъ называетъ лѣтопись Переяславщину, приходилось плохо. Во время несчастнаго похода Игоря Святославича на половцевъ 1185 года крайнимъ пунктомъ славянской колонизаціи въ степяхъ былъ, очевидно, г. Донецъ на р. Удахъ (теперешнее Донецкое городище близъ Харькова). Славянское населеніе держалось въ степяхъ вплоть до татарскаго нашествія; часть его сохранила свой чистый славянскій типъ, часть поддалась вліянію кочевниковъ, переняла ихъ нравы и обычаи, но держалась еще православной вѣры. Кромѣ осѣдлаго славянскаго населенія, въ степяхъ жило еще кочевое племя славянскаго корня, называвшееся *бродниками*. Они болѣе всего подпали вліянію половцевъ, хотя продолжали оставаться христіанами. Бродники нерѣдко участвовали вмѣстѣ съ половцами въ военныхъ предпріятіяхъ, но избѣгали нападать на русскія княжества.

Судьба славянскаго населенія.

Когда монголо-татарскія волны въ первой половинѣ XIII в. залили южно-русскія степи, вмѣстѣ съ половцами исчезли остатки славянскаго населенія: часть его бѣжала, часть погибла, а бродники, какъ можно думать, съ теченіемъ времени слились съ завоевателями, утративъ національныя черты и забывъ христіанскую вѣру. Съ этого времени о степяхъ мы ничего не знаемъ. Можетъ быть, въ нихъ кое-гдѣ еще тлѣла славянская жизнь. Можно предполагать, что начало Святогорскому монастырю положено было еще въ домонгольскую эпоху. Но это лишь одні догадки. Несомнѣнно, что послѣ татарскаго нашествія наша губернія вошла въ область татарскихъ кочевій. Черезъ территорію, занятую теперь нашей губерніей, татары совершали набѣги въ

предѣлы русскихъ княжествъ сѣверо-восточной Руси, а потомъ и Московскаго государства, ее пересѣкали татарскіе шляхи. Изъ нихъ назовемъ Муравскій, шедшій по водораздѣламъ Днѣпровскаго и Донскаго бассейновъ отъ крымскаго Перекопа до Тулы. Отъ него отдѣлялись Изюмскій и Калміусскій шляхи или, какъ ихъ называли татары, сакмы. Первый начинался отъ верховьевъ Орели въ нынѣшней Екатеринославской губер. и шелъ по Изюмскому и другимъ уѣздамъ Харьковской губ., пока не соединялся съ Муравскимъ въ Курской губ. Второй отъ верховьевъ Молочныхъ водъ доходилъ до г. Ливень Орловской губ. На рѣкахъ татары знали удобные броды и переправы, такъ на Донцѣ были имъ извѣстны Каганскій (гдѣ-то близъ Чугуева), Абашканъ (около с. Бишкина, Зміевск. уѣзда), Шебалинскій (около с. Шебелинки того же уѣзда) и др.

Борьба Московскаго правительства со степью.

Татары не только кочевали и бродили по Харьковской губерніи, но въ XVI в., а, можетъ быть, и раньше, имѣли въ ней по Донцу пашни и постоянныя жилища. Для Московскаго государства все степное пространство, къ которому относилась и нынѣшняя Харьковская губернія, было дикимъ полемъ, откуда всегда можно было ожидать всякихъ неожиданностей. Начиная съ царствованія Ивана IV, Московское правительство начинаетъ вести постепенную упорную борьбу со степью, все болѣе и болѣе продвигая границу на югъ. Въ концѣ XVI ст. при Федорѣ Ивановичѣ были построены, а частью возобновлены города — Воронежъ, Валуйки, Бѣлгородъ, Курскъ и Ливны. Строя города и поселяя въ нихъ служилыхъ людей для охраны границъ и борьбы съ татарами, Московское правительство зорко слѣдило за тѣмъ, что дѣлалось въ самихъ степяхъ, не шевелятся ли татары. Для этой цѣли была учреждена сторожевая и станичная служба, организованная на новыхъ началахъ въ 1571 году. На Донцѣ было расположено шесть стражъ, поддерживавшихъ другъ съ другомъ связь и наблюдавшихъ за теченіемъ Донца отъ Абашкина перевоза до устья рѣки Айдара. Одна изъ этихъ стражъ находилась возлѣ Святыхъ Горъ; названіе этой мѣстности было извѣстно уже въ XVI ст.

Станичники ѣздили отъ Путивля по выработанному плану черезъ Харьковщину до верховьевъ рѣкъ Самары, Тора и Муса.

Въ 1599 году недалеко отъ Святыхъ Горъ въ глубокой степи былъ построенъ при Борисѣ Годуновѣ г. Царь-Борисовъ.

**Великорус-
ская коло-
низация.**

Во время смуты этотъ городъ, такъ далеко выдвинутый въ степь, запуслъ, какъ и нѣкоторые другіе города на степномъ пограничѣ. Въ царствованіе Михаила Федоровича въ 50-хъ годахъ XVII столѣтія была закончена постройка такъ называемой Бѣлгородской черты, которая соединяла рядомъ непрерывныхъ укрѣпленій южные окраинные города Московскаго государства. Эта черта, пересѣкая татарскіе шляхи, шла черезъ города Вольный, Хотмыжскъ и Карповъ на Ворсклѣ, Бѣлгородъ на Донцѣ, Корочу на притокѣ Дона Корочѣ, Усердѣ, Острогжскѣ, Коротоякѣ на Тихой Соснѣ; предѣльными ея городами были Добрый и Козловъ на Воронежѣ. За этой чертой въ дикомъ полѣ Московскимъ правительствомъ былъ основанъ рядъ поселеній, заселенныхъ великороссійскими служилыми людьми. Въ 1646 г. былъ построенъ укрѣпленный городъ Валки на урочищѣ того же имени, иначе называемый Можскимъ острожкомъ. Около Валока возникло нѣсколько великороссійскихъ слободъ. Такія же слободы появились въ окрестностяхъ Чугуева—Кочетокъ, Песчаное, Терновое, Введенское и др., въ теперешнихъ Ахтырскомъ, Лебединскомъ и Зміевскомъ уѣздахъ. Московскими служилыми людьми былъ основанъ г. Торъ, нынѣшній Славянскъ. Велико-россійскія поселенія встрѣчаются гнѣздами среди сплошнаго украинскаго населенія Харьковской губерніи, которому принадлежитъ главная заслуга ея колонизаціи.

**Первыя пере-
селенія укра-
инцевъ.**

Переселеніе украинцевъ изъ Заднѣпровья въ предѣлы Московскаго государства началось еще со второй половины XVI ст. Оно вызывалось особенно обострившейся въ это время внутренней борьбой въ Польшѣ, борьбой, которую велъ во главѣ съ казачествомъ украинскій народъ съ враждебнымъ ему общественнымъ строемъ, защищая свою вѣру, національныя и политическія права. Въ этой борьбѣ, кромѣ казачества, принимало участіе духовенство, мѣщане и посполство (крестьяне). Послѣдніе или уже томились въ крѣпостной неволѣ, или она имъ угрожала въ ближайшее время. Неудачи казацкихъ возстаній вызывали переселенія въ тѣ мѣста, гдѣ вмѣсто гнета ожидали найти привольную свободную жизнь. Такимъ обѣтованнымъ краемъ являлось необозримое степное пространство на южной окраинѣ Московскаго государства съ его природными богатствами—плодородіемъ почвы, обиліемъ лѣса, влаги, дикаго звѣря и птицы. Московское правительство охотно принимало переселенцевъ, въ числѣ которыхъ были монахи, казаки, мѣщане и крестьяне, отводило имъ земли для поселенія на условіяхъ одинаковыхъ со

своими служилыми людьми, давало денежное и хлѣбное жалованья, лишь бы они защищали границы отъ татаръ. Переселенцы приносили съ собой на новую родину, кромѣ имущества, свои порядки и обычаи, свою культуру. Первое извѣстіе о большомъ переселеніи украинцевъ относится къ 1638 году, когда въ Бѣлгородъ явился цѣлый казацкій отрядъ въ 865 человекъ во главѣ съ гетманомъ Остраницею, предводителемъ послѣдняго казацкаго возстанія передъ Хмельниччиною. Переселенцы были приняты въ Московское подданство съ обязательствомъ вѣрной службы и подчиненія воеводѣ. Казацкое устройство ихъ осталось неприкосновеннымъ. Имъ были отведены земли для поселенія у Чугуевского городища на Донцѣ, гдѣ они должны были построить городъ и укрѣпленія. Не успѣли поселенцы построиться и обзавестись хозяйствомъ, какъ между ними начались ссоры и несогласія подъ вліяніемъ „прелестныхъ писемъ“ изъ Польши, убѣждавшихъ ихъ вернуться домой. Произошелъ бунтъ, во время котораго Острица былъ убитъ, а казаки ушли обратно въ Польшу; на опустѣвшемъ мѣстѣ были поселены московскіе служилые люди.

Заселеніе дикаго поля во второй половинѣ XVII в.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича заселеніе Слободской Украйны, большую часть которой занимаетъ теперешняя Харьковская губернія, быстро подвинулось впередъ. Прежде переселенцы селились въ самой Бѣлгородской чертѣ или вблизи ея,

если не считать основанія Чугуева, теперь же они стали проникать глубоко на югъ, въ самыя степи. Толчкомъ къ усиленному переселенію послужило возстаніе Хмельницкаго противъ польскаго гнета и послѣдовавшія за нимъ событія. Послѣ неудачной Берестецкой битвы, разбившей народныя мечты о вольной счастливой Украйнѣ, въ 1651 году мы видимъ первое значительное переселеніе въ дикое поле. Козацкія лѣтописи отмѣчаютъ это событіе, указывая, что съ этого времени начинается основаніе и заселеніе слободъ и городовъ въ Слобожанщинѣ козацкимъ народомъ. Другое переселеніе было въ 1659 году, а самое значительное въ эпоху такъ называемой „руины“—въ 1683—1687 годахъ—въ то страшное время, когда несчастная правобережная Украйна сдѣлалась ареной ожесточенной борьбы, когда край безжалостно опустошали польскія, украинскія, московскія, татарскія и турецкія войска, когда гетманъ Дорошенко, стремясь объединить подъ своею властью Украйну, принялъ покровительство турецкаго султана, и навлекъ на свой край всѣ ужасы войны. Немудрено, что населеніе снималось со своихъ насѣженныхъ мѣстъ, переправлялось на лѣвый берегъ Днѣпра, а оттуда уходило въ дикое поле въ поискахъ спокойной жизни. Въ

Слободскую Украину шло много переселенцевъ и изъ лѣвобережья, но больше всего дало ихъ правобережье. На это указываютъ одинаковыя названія многихъ селъ въ Кіевской и Харьковской губерніяхъ.

**Основаніе
Харькова, Ах-
тырки, Вол-
чанска и др.
городовъ.**

Быстро шло заселеніе края. Переселенцы садились на землю группами, во главѣ которыхъ стояли ихъ предводители, заботившіеся объ удобномъ разселеніи, входившіе въ переговоры съ московскимъ правительствомъ и называвшіяся потому осадчими. Въ 1652 году осадчимъ Кондратьевымъ былъ основанъ г. Сумы, а въ слѣдующемъ году была построена тамъ крѣпость. Въ 1654 году осадчимъ Иваномъ Каркачемъ былъ основанъ г. Харьковъ на городищѣ того же имени, а въ 1655 г. приступили къ постройкѣ крѣпости. Отъ этого времени, вѣроятно, ведутъ свое происхожденіе до сихъ поръ еще неизслѣдованные подземные ходы въ Харьковѣ. Въ 1654 году были основаны г.г. Зміевъ и Ахтырка. Въ 1662 г. уже существовалъ г. Богодуховъ. Въ 1674 году осадчимъ Старочуднымъ былъ основанъ на старомъ городищѣ г. Волчанскъ. Въ 1658 году былъ основанъ г. Лебединъ. Стала заселяться и южная часть Харьковской губерніи. Въ 1663 году козацкій атаманъ Черниговецъ испросилъ у правительства разрѣшеніе поселить украинскихъ переселенцевъ на татарскихъ перелазахъ по рѣкѣ Донцу у устья р. Балаклейки. Имъ были основаны слободы: Андреевы Лозы, Бишкинь, Савинцы и Лиманъ. Кромѣ того, онъ же построилъ крѣпость Изюмъ. Городъ Изюмъ былъ построенъ въ 1681 году на правомъ берегу Донца Харьковскимъ полковникомъ Гр. Донцомъ; туда же была перенесена крѣпость. Въ 1682 году были заселены Двурѣчное, Сеньковъ, Купянскъ, Каменка и др. села. Къ 1686 году относится основанія выходцами изъ Гетманщины г. Старобѣльска.

**Роль мона-
стырей.**

Большое значеніе въ колонизаціи края имѣли монастыри. Заботясь объ удовлетвореніи религіозныхъ нуждъ населенія, монастыри въ то же время прилагали всѣ усилія къ заселенію своихъ земель. Первое мѣсто среди монастырей нашего края занимаетъ Святогорскій, о которомъ намъ приходилось уже упоминать; первый разъ въ документахъ монастырь встрѣчается въ 1624 году, когда имъ была получена царская грамота. Монастырь былъ окруженъ стѣною, снабженною пушками, такъ какъ не разъ приходилось ему подвергнуться нападеніемъ татаръ. Въ 1651 году монахами Лебединскаго монастыря былъ основанъ Троицкій Ахтырскій мо-

настырь. Харьковским полковникомъ Гр. Донцомъ въ 9 верстахъ отъ Харькова былъ основанъ Куряжскій монастырь. Въ 60-хъ годахъ XVII ст. уже существовалъ Зміевской Николаевскій монастырь. На земляхъ, пожалованныхъ монастырямъ, возникали села, хутора, и закипала жизнь.

Харьковская губернія была заселена главнымъ образомъ украинцами. Чужеземное населеніе было незначительно. Въ 30-хъ годахъ XVIII ст. при постройкѣ новой оборонительной черты-украинской линіи въ толщу украинскаго населенія были вкраплены великороссы, составлявшіе въ качествѣ однодворцевъ военное населеніе линіи.

Прекратился приливъ народныхъ волнъ изъ Украйны, а заселеніе Харьковской губерніи продолжалось, при чемъ производилось оно собственными силами населенія, естественно увеличивавшагося въ своей численности. Въ продолженіе XVIII в. продолжалось заселеніе юга восточной степной части губерніи на счетъ болѣе густо населенной сѣверо-западной.

Образованіе полковъ

Въ XVII и XVIII в. теперешняя Харьковская губернія въ значительномъ своемъ пространствѣ, кромѣ части Изюмскаго и Старобѣльскаго уѣздовъ, входила въ составъ образовавшихся послѣ заселенія дикаго поля 4 козацкихъ полковъ: Харьковскаго, Ахтырскаго, Сумскаго и Изюмскаго. 5-й полкъ Острогжскій—первый по времени образованія—былъ расположенъ въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи. Всѣ эти полки называются слободскими, потому что населеніе приходило въ новыя мѣста „на слободу“, т. е. заселяло дикое поле на льготныхъ условіяхъ.

Старочеркаскіи обыкности.

Московское правительство, присматриваясь къ переселенцамъ изъ Заднѣпровья, ясно видѣло, что это были люди другой національности и другой культуры, со своими нравами и обычаями, со своимъ строемъ гражданской жизни. Нуждаясь въ переселенцахъ для того, чтобы заселить степи и создать оплотъ отъ татарскихъ нападеній, правительство признавало за ними особенности ихъ быта и культуры, которыя оно называло „старочеркасскими обыкностями“ и воеводамъ строго наказывало бережно относиться къ нимъ.

Жалованные грамоты.

Заселеніемъ дикаго поля вѣдали Разрядъ и воеводы; они отводили землю для поселенія, давали оружіе и военные припасы, а также и хлѣбъ. При поселеніи давалась льгота отъ всякихъ податей на 10—13 лѣтъ.

Права и привилегіи слобожанъ обезпечивались имъ такъ называемыми жалованными грамотами, выдаваемыми центральнымъ правительствомъ. Первые изъ нихъ относятся къ 1659 году, но въ нихъ о льготахъ ничего не говорится. Позднѣйшія грамоты, какъ напр., 1669 года данныя полкамъ Харьковскому, Сумскому и Ахтырскому, подробно останавливаются на этомъ вопросѣ. Грамоты Петра Великаго 1700 и Елизаветы Петровны 1743 года содержатъ полное перечисленіе всѣхъ льготъ, дарованныхъ слобожанамъ. Эти льготы заключались въ вольной займанщинѣ земель, свободномъ винокурении, вольной продажѣ горилки и пива и правѣ владѣть землею и угодьями, заниматься всякими промыслами и вести торговлю безъ уплаты пошлины и чинша. Жалованныя грамоты способствовали заселенію края, внушая переселенцамъ увѣренность въ томъ, что ихъ права и вольности будутъ сохранены.

О численности населенія въ нынѣшней Харьковской губерніи мы имѣемъ свѣдѣнія за 1732 и 1772 годы. Въ 1732 году въ 4 полкахъ насчитывалось свыше 300000 душъ обоюго пола, кромѣ дѣтей, а въ 1772 году—666561. При чемъ послѣднюю цифру слѣдуетъ нѣсколько уменьшить, такъ какъ въ нее входитъ численность населенія Острогожской провинціи, лежавшей за предѣлами Харьковской губерніи.

Татарскіе набѣги.

Московское правительство давало льготы слобожанамъ подъ условіемъ защиты ими степной окраины отъ татаръ, и они честно выполняли принятыя на себя обязательства. Имъ приходилось въ первую очередь подвергаться татарскимъ ударамъ, и такъ продолжалось вплоть до присоединенія Крыма къ Россіи. Крупныхъ татарскихъ нашествій на Слобожанщину мы знаемъ два—1680 и 1691 года, но мелкихъ набѣговъ, какъ въ XVII, такъ и въ XVIII ст., было вдоволь. Нечего и говорить о томъ, какъ дорого всѣ эти набѣги обходились населенію, какъ они отражались на его экономическомъ благосостояніи. Разореніе хозяйствъ, угонъ скота и разграбленіе имущества, убыль населенія убитыми и взятыми въ плѣнъ—вотъ обыкновенные результаты татарскихъ набѣговъ, страшныхъ своею неожиданностью. Особенно много теряло населеніе вслѣдствіе увода жителей татарами въ плѣнъ или, вѣрнѣе, въ неволю; тяжела была доля несчастныхъ невольниковъ: они томились въ неволѣ въ Крыму или отбывали каторжныя работы на турецкихъ галерахъ въ Царьградѣ, а нѣкоторые изъ нихъ попадали на рынки Малой Азіи и Африки, гдѣ шла торговля живымъ товаромъ. Изъ тяжкаго плѣна невольники освобождались или путемъ смѣлаго побѣга, или благодаря выкупу, или ихъ, наконецъ, освобождали козаки или московскія войска во время походовъ въ Крымъ.

Только при такихъ условіяхъ могли невольники возвратиться на родину „на тихіѣ воды, на ясній зорі, у край веселій, у миръ хрещений“, какъ говоритъ украинская дума.

Но и въ спокойное время, когда не грозила непосредственная опасность татарскихъ набѣговъ, населеніе должно было напрягать всѣ свои силы для организаціи защиты края: строить крѣпости, насыпать рвы, исполнять сторожевую службу и т. д. Не говоря уже о полковыхъ городахъ, почти всѣ сотенныя мѣстечки и многія другія селенія имѣли укрѣпленія, построенныя трудомъ населенія. Для этой цѣли была построена въ 80-хъ годахъ XVII ст. вторая оборонительная черта—*новая линія*. Въ 30-хъ годахъ XVIII ст. была построена Украинская линія. Каждый городъ имѣлъ своихъ сторожей и станичниковъ. Козаки, исполнявшіе эти службы, одни—ѣздили для наблюденія на шляхи, другіе же занимали посты на высокихъ могилахъ, зорко всматриваясь вдаль, не показываются ли степные гости. Безконечно много энергіи и силъ, столь нужныхъ для мирной культурной работы, приходилось слобожанамъ тратить на борьбу со степью.

На территоріи нашей губерніи образовалось, какъ мы говорили выше, 4 слободскихъ полка. Въ составъ Харьковскаго полка послѣ выдѣленія изъ него Изюмскаго входили нынѣшніе уѣзды Харьковскій, Волчанскій, Валковскій, Зміевской и часть Изюмскаго. Ахтырскій полкъ обнималъ Ахтырскій и Богодуховскій уѣзды, Сумской полкъ—Сумской и Лебединскій, Изюмскій—Изюмскій, Купянскій и отчасти Зміевской.]

Устройство управленія.

Вмѣстѣ со своими „обыкностями“ черкасы принесли полковое устройство въ томъ видѣ, въ какомъ оно сложилось въ Гетманщинѣ. Здѣсь въ Слобожанщинѣ это устройство подверглось нѣкоторымъ измѣненіемъ. Во главѣ полковой власти стоялъ полковникъ со старшиной. Власть его была обширна и касалась всѣхъ сторонъ жизни. Онъ былъ начальникомъ военныхъ силъ полка и въ то же время въ его рукахъ сосредоточивалась полнота административной власти. Онъ утверждалъ судебные приговоры по уголовнымъ дѣламъ, раздавалъ во владѣніе вольныя войсковыя земли. Свои распоряженія, имѣющія общій характеръ или о надѣленіи землею, онъ издавалъ въ формѣ универсаловъ. Полковую старшину составляли: полковой обозный, судья, есаулъ, хорунжей и 2 писаря. Обозный второе лицо по занимаемой должности послѣ полковника. Въ его вѣдѣніи находились полковая артиллерія и крѣпости. Въ отсутствіе полковника онъ заступалъ его мѣсто, но не имѣлъ права издавать универсаловъ. Есаулъ и хорунжий были исключительно военными властями. Первый былъ помощникомъ полковника по военнымъ

дѣламъ, второй командовалъ спеціальнымъ козацкимъ отрядомъ, завѣдывалъ полковой музыкой и охранялъ полковую корогву (знамя). Судья производилъ судъ въ полковой ратушѣ (такъ называлось вообще административное или судебное мѣсто); при чемъ гражданскія дѣла рѣшалъ своею властью, а рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ шли на утвержденіе полковника. Писаря были секретарями полковъ. Вся полковая старшина вмѣстѣ съ полковникомъ составляла полковую раду, собиравшуюся для обсужденія текущихъ дѣлъ управленія, при чемъ полковникъ имѣлъ два голоса. Полковника и полковую старшину, избирала козацкая „старшина“, а не все товариство т. е. не всѣ казаки. Въ такомъ способѣ выборовъ было отступленіе отъ порядковъ Гетманщины, гдѣ полковая старшина избиралась вольными голосами всего товариства, хотя въ XVIII ст. очень часто избраніе вольными голосами было лишь формой. Все же извѣстны случаи и изъ практики слободскихъ полковъ, когда полковниковъ избирало все товариство. Очевидно, такой способъ избранія былъ не по вкусу центральной московской власти въ лицѣ ея представителей—воеводъ.

Полки дѣлились на отдѣльные округа, называвшіеся сотнями. Управление сотней было построено по образцу полкового. Главная власть по военнымъ и гражданскимъ дѣламъ принадлежала сотнику. Однако, онъ не имѣлъ права раздавать землю. Его помощниками по военнымъ дѣламъ были есаулъ и хорунжій, Судебныя дѣла рѣшались въ сотенной ратушѣ, гдѣ помимо сотника и другихъ лицъ сотенной старшины, засѣдалъ атаманъ, выборный представитель козацкаго населенія. Сотника выбирала полковая старшина, а онъ выбиралъ для себя помощниковъ—сотенную старшину.

Мѣщанское населеніе также имѣло свое управленіе, которое, вѣроятно, называлось мѣйскимъ урядомъ по образцу тѣхъ городовъ Гетманщины, которые не пользовались магдебургскимъ правомъ. Какъ извѣстно, это право въ Слобожанщину не проникло, а потому и городское самоуправленіе не успѣло развиваться. Представителями мѣщанскаго населенія являлись войты.

Что касается посольства т. е. крестьянства, то его выборнымъ начальствомъ являлся, надо думать, войтъ, такъ какъ онъ игралъ такую же роль для посольства въ Гетманщинѣ. По привычкѣ, занесенной изъ Заднѣпровья, крестьянство обсуждало свои мѣстныя дѣла гремадой т. е. на общемъ собраніи.

Сильными людьми, благодаря своей власти и вліянію, были слободскіе полковники. Они могли какъ злоупотреблять своею властью, преслѣдуя свои личныя, нерѣдко корыстолюбивыя цѣли, такъ и пользоваться ею для блага подвластнаго имъ населенія. Къ

сожалѣнію, очень много было полковниковъ первой категоріи, которые, оставивъ по себѣ дурную память своими притѣсненіями, вымогательствами и насиліями, сколачивали большое состояніе и становились обладателями крупной земельной собственности. Населенію только и оставалось, что жаловаться центральному правительству и просить защиты отъ „несносныхъ здирствъ“. Къ числу лучшихъ полковниковъ можно отнести перваго Харьковскаго полковника Гр. Донца и Сумскаго Гер. Кондратьева. Донецъ былъ полковникомъ съ 1668 по 1691 годъ; онъ построилъ цѣлый рядъ крѣпостей, въ томъ числѣ и нынѣшній г. Изюмъ, заботился о защитѣ южной части Слобожанщины, для чего положилъ немало своего труда при устройствѣ Новой Линіи. Населенію онъ, очевидно, не обижалъ и не притѣснялъ, за очень немногими исключеніями. Большія заслуги въ дѣлѣ защиты и заселенія полка принадлежать первому Сумскому полковнику Гер. Кондратьеву. Въ нѣкоторыхъ полкахъ въ теченіе продолжительнаго періода времени полковничья власть принадлежала представителямъ одной фамиліи, къ которой успѣли привыкнуть полчане. Такъ, Харьковскіе и Изюмскіе полчане поддерживали родъ Донцовъ.

[Въ XVIII ст. стали нерѣдко встрѣчаться случаи назначенія на вакантныя полковничьи мѣста центральной властью угодныхъ ей лицъ,—при чемъ иногда назначались даже иностранцы.]

Воеводы. Предоставляя слобожанамъ права управляться по ихъ „черкасскимъ обыкностямъ“, московское правительство не могло, однако, оставить новопріобрѣтенныхъ подданныхъ—черкасы извѣстны были своими „шатостями“—безъ контроля и опеки. Поэтому, слободскіе полки съ самого начала подчинены были бѣлгородскому воеводѣ, а черезъ него Разряду. Бѣлгородскіе воеводы утверждали полковничьи выборы и вообще рекомендовали правительству вѣрныхъ лицъ для замѣщенія полковничьихъ должностей. Въ 1668 году бѣлгородскій воевода, а тѣмъ самымъ и слободскіе полки перешли въ вѣдѣніе Велико-россійскаго приказа. Кромѣ Бѣлгорода, московскіе воеводы сидѣли во всѣхъ полковыхъ городахъ Слобожанщины. Согласно наказу воеводамъ принадлежала власть надъ крѣпостью и городомъ въ военномъ отношеніи; ихъ административной власти и присуду были подчинены какъ великорусскіе служилые люди, такъ и козаки городской службы. Воевода долженъ былъ поддерживать добрыя отношенія съ полковыми слободскими властями. Наказъ строго запрещалъ ему притѣснять какъ великороссійскихъ, такъ и украинскихъ людей; нечего и говорить, что строгія распоряженія были безсильны оградить населеніе отъ злоупотребленій властью со стороны нѣкоторыхъ воеводъ. Привыкшіе къ произволу въ

Московскомъ государствѣ, воеводы и въ дикомъ полѣ давали широкій просторъ своей натурѣ. Отъ ихъ притѣсненій и вымогательствъ стонало населеніе. Нерѣдко бывали столкновенія между воеводами и полковой властью.

Обществен- ный строй.

Когда черкасы стали приходить партіями въ степную окраину Московскаго государства и поселяться за Бѣлгородской чертой въ дикомъ полѣ, они дѣлились уже на сословія: козаковъ, посольство, мѣщанъ и цеховыхъ людей. Глубокой разницы между сословіями не существовало, и переходъ изъ одного въ другое не представлялъ затрудненій. Конечно, больше всего было козаковъ; вѣдь, первыя десятилѣтія послѣ возстанія Богдана Хмельницкаго весь украинскій народъ былъ охваченъ стремленіемъ попасть въ ряды козачества. Но послѣ того какъ населеніе прочно осѣло въ опредѣленныхъ мѣстахъ и казаки начали исполнять установленныя обязанности, сталъ происходить извѣстный отборъ и въ казаки записывался не всякій, кто хотѣлъ, а кто дѣйствительно могъ отбывать козацкую службу. Переходъ изъ одной сословной группы въ другую сталъ затруднительнымъ и скоро почти прекратился.

Въ средѣ козачества стало происходить разслоеніе на группы; изъ него стала выдѣляться наиболѣе зажиточная часть, изъ которой главнымъ образомъ вербовались представители полковой и сотенной власти; эта послѣдняя группа образовала козацкую старшину. Зачатки ея были принесены еще изъ Заднѣпровья; дальнѣйшее усиленіе и развитіе падаетъ на конецъ XVII и начало XVIII в. Ея политическое значеніе росло параллельно съ усиленіемъ экономической мощи, которая главнымъ образомъ заключалась въ землѣ. Землю приобрѣтали или путемъ покупки, или же занимали, пользуясь правомъ вольной займанщины, или получали на основаніи полковничьихъ универсаловъ и царскихъ жалованныхъ грамотъ. Сама по себѣ земля не имѣла цѣны. И, вотъ, владѣльцы осаживаютъ на ней слободы въ XVII ст., никого не спрашивая, а въ XVIII ст. беря разрѣшеніе на это у правительственной власти. На слободы приглашались вольные люди подъ условіемъ льготы отъ всякихъ повинностей на 10—15 лѣтъ. Помимо слободской старшины, усиленно заботились о приобрѣтеніи земельной собственности великорусскіе чиновные люди, проживавшіе въ Слобожанщинѣ.

Козаки дѣлились на выборныхъ или компанейцевъ и подпомощниковъ; послѣднихъ должно было въ 5 или 6 разъ быть больше выборныхъ. Компанейцы должны были имѣть какой-либо достатокъ для отбыванія службы. На обязанности подпомощниковъ лежало помогать выборнымъ въ отправленіи службы, если

предстоялъ дальній походъ, провіантомъ и деньгами для приобрѣтенія одежды, оружія и т. п. Они же давали провіантъ и фуражъ армейскимъ полкамъ, поставляли подводы и участвовали въ работахъ государственнаго характера.

Посполитыхъ мы встрѣчаемъ въ Слобожанщинѣ съ начала ея заселенія. Они селились или въ панскихъ слободахъ, прельщаемые льготами и защитой державцевъ, не будучи въ состояніи самостоятельно заняться хозяйствомъ, или, обладая необходимымъ достаткомъ, обрабатывали собственную путемъ займанщины доставшуюся землю. Эти послѣдніе составляли разрядъ свободныхъ принадлежащихъ государству посполитыхъ.

Въ городахъ жили мѣщане, иначе называвшіеся казаками городской службы или подпомощниками. Близко къ мѣщанамъ стояли цеховые люди, т. е. ремесленники, дѣлившіеся на корпораціи по спеціальностямъ, во главѣ которыхъ стояли цехмистры. Цехи были перенесены изъ Запднѣпровья въ такомъ видѣ, въ какомъ они существовали тамъ. Они были тѣсно связаны съ братствами. Цехмистръ вмѣстѣ съ братчиками производилъ судъ по цеховымъ дѣламъ на основаніи писаныхъ „артикуловъ“, какъ говорится въ грамотѣ Бѣлгородскаго воеводы.

По Хрущовской переписи 1732 года видно, что въ то время въ 4 слободскихъ полкахъ насчитывалось 20489 козаковъ, 55039 подпомощниковъ и 52240 посполитыхъ — подданныхъ, т. е. сидѣвшихъ на владѣльческихъ земляхъ.

Посмотримъ теперь, въ чемъ заключались обязанности отдѣльныхъ сословій. Главной обязанностью козаковъ была военная служба, которую они несли не только у себя дома въ Слобожанщинѣ, защищая ее отъ татаръ, но и далеко за ея предѣлами, участвуя въ войнахъ, которыя вели Московское государство, а затѣмъ Россійская Имперія. Козаки выступали въ походъ въ своемъ снаряженіи и содержали себя на свой счетъ. Кромѣ частыхъ походовъ, козаковъ отрывали отъ хозяйства такъ наз. „командираціи“, т. е. посылки по распоряженію правительства для участія въ земляныхъ работахъ государственнаго значенія. Они строили крѣпости въ Слобожанщинѣ, участвовали въ работахъ по сооруженію украинской линіи въ 1732—1733 годахъ. Не обошлись безъ нихъ и канальныя работы по устройству Ладожскаго канала. Эти работы, производившіеся нерѣдко въ тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ при плохомъ питаніи, тяжело отражались на ихъ участникахъ, вызывая среди нихъ болѣзни и усиливая смертность. Нечего и говорить о разореніи хозяйствъ, вслѣдствіе частыхъ и долгихъ отлучекъ изъ дома.

Въ памяти у слобожанъ Ахтырскаго полка осталась въ особенности шведская война 1708—1709 года, когда полкъ

значительно пострадалъ вслѣдствіе разоренія шведами. Врагъ угрожалъ Ахтыркѣ, для защиты которой принимались по распоряженію Петра 1 спѣшныя мѣры. Подъ Краснокутскомъ въ 1709 году шведы потерпѣли поражение.]

Подпомощники давали различныя натуральныя подати и исполняли общественныя повинности—подводную и почтовую. До 1700 г. они платили денежную подать въ размѣрѣ 1 руб., а съ этого времени вмѣсто рублевого сбора они обязаны были давать подпомогу выборнымъ казакамъ, облегчая имъ несеніе службы. На подпомощникахъ лежала такъ назыв. „городовая служба“, заключавшаяся въ работахъ по починкѣ крѣпости и мостовой повинности. Надо сказать, что въ „командираціяхъ“ наряду съ выборными казаками участвовали и подпомощники. Съ 1710 года всѣмъ козакамъ вмѣстѣ съ посполитыми нужно было содержать на свой счетъ русскіе армейскіе полки, стоявшіе въ Слобожанщинѣ. Такъ же, какъ и въ Гетманщинѣ, содержаніе „консистентовъ“ (такъ называлась эта повинность), помимо того, что было крайне тяжелымъ въ экономическомъ отношеніи, вызывало различныя недоразумѣнія и столкновенія населенія съ солдатами. Очень мало мы знаемъ о положеніи посполитыхъ по истеченіи льготнаго времени. По переписи Хрущова 1732 года видно, что повинности посполитыхъ были очень разнообразны. Въ однихъ мѣстностяхъ платили одинъ только „чиншъ“, въ другихъ чиншъ соединялся съ панщиной. Въ третьихъ, была одна панщина. Нормальной панщиной считалась, повидимому, двухдневная. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается панщина въ 4 и даже 6 дней въ недѣлю, но это уже исключеніе, какъ равно и однодневная панщина. Въ общемъ положеніе посполитыхъ въ Слобожанщинѣ, какъ слѣдуетъ признать, было довольно сноснымъ.

Экономическій бытъ жителей

Главнымъ занятіемъ слобожанъ было земледѣліе, исконное любимое занятіе украинскаго народа; земледѣліемъ занимались не только жители сельскихъ поселеній, но и мѣстечекъ и городовъ.

Другими занятіями были садоводство, скотоводство и пчеловодство; нужно сказать, что въ XVII ст., кромѣ существующихъ нынѣ плодовыхъ деревьевъ, разводили виноградъ: мы знаемъ о существованіи виноградниковъ въ Святогорскомъ монастырѣ и Чугуевѣ. Изъ промысловъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить винокуреніе, затѣмъ добываніе дегтю и селитры. Ремесла были очень разнообразны: мы видимъ въ Слобожанщинѣ столяровъ, кузнецовъ, сапожниковъ, портныхъ, гончаровъ, ткачей, стекольщиковъ и т. д. Торговля въ Слобожанщинѣ начала развиваться вмѣстѣ съ заселеніемъ края. Уже первыя царскія жалованныя

грамоты даютъ украинскимъ купцамъ право беспошлинной торговли. Нужно сказать, что спеціального купеческаго сословія тогда еще не существовало, и торговлею занимались слобожане всѣхъ сословій. Въ 1659 г. по прошенію харьковцевъ правительствомъ было дано позволеніе на открытіе въ Харьковѣ Успенской ярмарки, существующей до сихъ поръ. Ярмарки стали открываться во многихъ городахъ, мѣстечкахъ и даже селахъ Слобожанщины; въ 1779 г. въ ней насчитывалось 271 ярмарка. Прежде въ торговомъ отношеніи Сумы стояли выше Харькова и лишь въ концѣ XVIII ст. первенство перешло къ Харькову, ставшему административнымъ центромъ. Слобожанщина въ торговомъ отношеніи была посредникомъ между Великороссіей, Новороссіей, Донскимъ краемъ и Гетманщиной. На харьковскихъ и сумскихъ ярмаркахъ можно было встрѣтить заграничные товары изъ Данцига, Лейпцига и др. городовъ—сукна, матерію, оружіе, галантерею и проч., изъ юга—Херсона, Таганрога, Ростова—фрукты, орѣхи, вина и т. п., изъ сѣвера—Тулы, Москвы—сукна, чай, сахаръ, кофе, глиняную посуду, желѣзный и ременный товаръ и т. п.

Обратимся теперь къ духовной культурѣ Слобожанщины.

Церковь. Украинскіе переселенцы изъ Заднѣпровья принесли съ собою въ Слобожанщину свои особенности и въ области церковной жизни, въ чинѣ богослуженія и совершенія требъ. Весьма многія ватаги переселенцевъ приходили со своими священниками, церковной утварью и богослужебными книгами. На прежней своей родинѣ украинцы привыкли близко интересоваться церковными дѣлами, принимать непосредственное участіе въ церковномъ строителствѣ и объединяться вокругъ церкви, какъ національной святыни въ трудную годину своей жизни. На такихъ же началахъ, естественно, они хотѣли создавать церковную жизнь и на „слободахъ“. Благодаря религіозному усердію нѣкоторыхъ представителей козацкой старшины, былъ основанъ рядъ монастырей. Такъ, харьковскимъ полковникомъ Гр. Донцемъ былъ основанъ Куряжскій, сумскимъ полковникомъ Кондратьевымъ—Успенскій и Предтече въ монастыри.

Съ 1657 по 1667 годъ церкви и монастыри Слобожанщины входили въ составъ патріаршей области, а съ 1667 года вновь учрежденной Бѣлгородской епархіи, въ главѣ которой до 1721 года стояли митрополиты. Надо сказать, что нѣкоторые изъ бѣлгородскихъ владыкъ боролись съ мѣстными особенностями слободской церкви; въ виду этого даже книги украинской печати отбирались и замѣнялись московскими. Къ архіепископамъ такого направленія принадлежалъ извѣстный Іосафъ Горленко.

Въ 1799 году была открыта отдѣльная слободская епархія. Что касается полкового церковнаго управленія, то оно принадлежало протопоіямъ, во главѣ которыхъ стояли соборные протопопы.

Слобожане принесли съ собой изъ своей родины обычай выбирать духовныхъ лицъ вольными голосами. Московская практика не знала этого обычая, и потому его не могли признать бѣлгородскіе архіереи. Однако, при назначеніи на вакантныя мѣста членовъ церковнаго клира они почти всегда считались съ волей прихожанъ. Приходъ на Украинѣ былъ живымъ самодѣтельнымъ организмомъ, на которомъ лежала забота о благолѣпіи храма Божьяго и содержаніи духовенства.

При многихъ церквахъ, главнымъ образомъ, конечно, въ городахъ и мѣстечкахъ съ позволенія московскаго правительства основывались по примѣру старыхъ украинскихъ земель церковныя братства съ благотворительными и просвѣтительными задачами. Здѣсь не приходилось бороться за вѣру и народность съ латинопольской культурой, поэтому и дѣятельность братствъ въ Слобожанщинѣ, хотя и была полезной, однако не оставила крупныхъ слѣдовъ. Братства получали право устраивать трапезы во время храмовыхъ праздниковъ и варить для этой цѣли медъ, пиво и бражку. Иногда съ братствами соединялись ремесленные цехи. При церквахъ братства устраивали богадѣльни (шпитали), въ которыхъ находили пріютъ старые, убогіе и калѣки.

Прихожане содержали духовенство на свой счетъ, лишь одинъ соборный причтъ получалъ жалованье изъ казны. Духовенство большею частью было невысокаго образованія: хорошо было, если кто изъ духовныхъ окончилъ церковную школу, а то большинство получало домашнее образованіе, сводившееся къ умѣнію кое-какъ разбирать богослужебныя книги. Съ основаніемъ въ Харьковѣ коллегіума образовательный уровень духовенства повысился, такъ какъ это учебное заведеніе сдѣлалось разсадникомъ пастырей. Немудрено, что духовенство своей жизнью мало чѣмъ отличалось отъ пасомыхъ: оно нерѣдко страдало ихъ пороками, но зато оно близко стояло къ своей паствѣ, раздѣляя съ нею ея горе и радости.

Просвѣщеніе. Любовь къ просвѣщенію была присуща украинцамъ еще на ихъ родинѣ; они принесли ее и въ слободскія степи вмѣстѣ съ другими старо-черкасскими обычаями. Одновременно съ церковью очень часто строилась и школа. Братства заботились не только о просвѣщеніи церковномъ, но и школьномъ. Въ школахъ преподавалъ учитель, обыкновенно въ то же время исполнявшій должность дьяка. Очень часто распространителями тогдашняго нехитраго школьнаго знанія были такъ

называемые „мандрованные“ дьяки; назывались они такъ потому, что по непосѣдливости своей натуры не долго засиживались на одномъ мѣстѣ, а переходили изъ одного поселенія въ другое, занимаясь своимъ ремесломъ. Интересно, что нѣкоторые ученики, слѣдуя примѣру своихъ учителей, переходили изъ школы въ школу въ поискахъ знанія.

Въ церковно-народныхъ школахъ учились дѣти всѣхъ сословій—козаковъ, посполитыхъ, мѣщанъ и даже козацкой старшины. Здѣсь на родномъ языкѣ предлагалось имъ обученіе церковно-славянской и русской грамотѣ, церковному пѣнію, а иногда и искусству писанія виршей (стиховъ). Школа, согласно съ духомъ того времени, допускала и физическое воздѣйствіе по отношенію къ ученикамъ. Тогдашнее общество этотъ пріемъ обученія считало вполне нормальнымъ и не ставило его въ вину школѣ, продолжая относиться къ ней съ полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ.

Въ 1726 году былъ перенесенъ изъ Бѣлгорода въ Харьковъ коллегіумъ—средне-учебное духовное заведеніе, сыгравшее крупную роль въ исторіи просвѣщенія нашего края. Онъ былъ приписанъ къ Покровскому монастырю, на доходы котораго долженъ былъ содержаться. Въ коллегіумѣ преподавались такіа науки: піитика, риторика, философія, богословіе, греческій, латинскій, а впослѣдствіи французскій и нѣмецкій языки. Одно время христіанское добродѣіе преподавалъ въ немъ знаменитый украинскій философъ Г. С. Сковорода. О количествѣ школъ въ Слобожанщинѣ даетъ свѣдѣнія перепись слободскихъ полковъ Хрущова 1732 года. Тогда въ четырехъ полкахъ было болѣе 124 школъ. При чемъ по количеству школъ полки слѣдовали въ такомъ порядкѣ: Сумской, Изюмскій, Ахтырскій и Харьковскій. Одна школа приходилась на 2524 души.

Уничтоженіе козацкаго устройства.

Центральное правительство лишь поневолѣ мирилось съ козацкимъ устройствомъ Слобожанщины, такъ какъ знало, что безъ сохраненія черкасскихъ обыкностей нельзя заселить дикаго поля. Его за-таенною цѣлью было уничтожить эти особенности и создать въ Слобожанщинѣ общероссійское устройство. Быстрыми шагами къ этой цѣли пошло правительство со времени Петра I. При немъ слободскіе полки были присоединены къ Азовской губерніи, и была произведена первая перепись населенія. При Аннѣ Ивановнѣ была произведена Хрущовымъ въ 1732 году новая перепись, о которой не разъ уже упоминалось. Особой комиссіей учрежденія слободскихъ полковъ подъ руководствомъ кн. Шаховского въ томъ же году была проведена коренная реформа: козацкіе полки были обращены въ армейскіе, полковники переименованы въ премьеръ-майоровъ, право

займанщины уничтожено. Образованъ былъ изъ козаковъ особый драгунскій полкъ. Слобожане вздохнули свободно при Елизаветѣ Петровнѣ, извѣстной своимъ расположеніемъ къ Украинѣ. Въ 1743 г. были изданы жалованныя грамоты слободскимъ полкамъ, которыя уничтожали реформу Шаховского и подтверждали старыя вольности. Въ 1746 г. императрица измѣнила свое отношеніе и велѣла образовать въ Слобожанщинѣ гусарскій полкъ. Населеніе враждебно отнеслось къ этому начинанію. При Екатеринѣ II въ 1763 году подъ предсѣдательствомъ Щербины была учреждена комиссія для разсмотрѣнія вопроса о причинахъ тяжелаго экономическаго положенія козаковъ и о способахъ его улучшенія. 28 іюня 1765 года появился манифестъ, въ которомъ доказывалась необходимость замѣны отживающей козацкой службы регулярной армейской. Поэтому, слободскіе козацкіе полки были уничтожены и замѣнены гусарскими. Козацкая старшина могла или уйти въ отставку или поступить въ новые полки, перемѣнивъ свои чины на армейскія. Реформа была встрѣчена непріязненно всѣмъ населеніемъ, не исключая и старшины. Слободская Украина была обращена въ Слободско-Украинскую губернію, которая дѣлилась на 5 провинцій, соотвѣтствовавшихъ прежнимъ полкамъ: Харьковскую, Сумскую Ахтырскую, Изюмскую и Острожскую. Послѣдняя не входила въ составъ нынѣшней Харьковской губерніи; провинціи дѣлились на 6 комиссарствъ. Губерніей управлялъ губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго состояла губернская канцелярія; провинціями управляли провинціальныя учрежденія. Въ 1780 г. Слободско-Украинская губернія была преобразована въ Харьковское намѣстничество съ общеимперскими губернскими учрежденіями 1775 года, во главѣ котораго стоялъ генераль-губернаторъ.

**Соціальная
реформы при
Петрѣ I, Ели-
заветѣ и Ека-
теринѣ II.**

Наряду съ административными преобразованіями шли и соціальныя; они начались также съ царствованія Петра I. Въ 1700 г. было установлено извѣстное количество козаковъ въ каждомъ полку, а всего въ 4 полкахъ—3150 чел. Чтобы склонить старшину къ грядущимъ реформамъ въ духѣ уничтоженія обыкностей, въ 1714 г. для дѣтей старшины былъ установленъ новый чинъ *подпрапорныхъ* и тѣмъ положено начало превращенію ея въ дворянство. При Имп. Елизаветѣ указами 1748 и 1749 г.г. запрещено было козакамъ и подпомощникамъ переходить не только въ Гетманщину и Великороссію, но даже изъ одного полка въ другой. Послѣ уничтоженія козачьей службы при Екатеринѣ II козаки и подпомощники были обращены въ войсковыхъ обывателей и обложены подушной податью—имѣющіе право винокуренія по 95, а не имѣющіе его по 85 коп. съ души.

Посполитые, потерявшіе теперь право вольнаго перехода и прикрѣпленные такимъ образомъ къ владѣльцамъ, платили по 60 коп. съ души. Благодаря этимъ реформамъ козачество было сближено съ посполѣствомъ. Выиграла отъ этихъ реформъ въ соціально-экономическомъ отношеніи козацкая старшина, которой открытъ былъ свободный путь къ дворянству. Въ 1785 г. она получила такую же жалованную грамоту, какъ и русское дворянство. Для разсмотрѣнія правъ старшины на дворянство была учреждена особая комиссія.

Войсковыя обыватели, освобожденные отъ козацкой службы, получили возможность главнымъ образомъ заниматься земледѣліемъ и промыслами. Тѣ изъ нихъ, которые жили въ городахъ, могли записываться послѣ введеніи учреждений 1775 г. въ купеческое и мѣщанское сословія.

Такъ, на протяженіи немногимъ болѣе 100 лѣтъ были уничтожены старочеркасскія обыкности, принесенныя украинцами изъ Запдѣпровья, которыя они, насколько могли, оберегали отъ посползовеній центральнаго правительства, но сберечь не сумѣли въ виду отсутствія единенія между общественными группами.

Главнѣйшія измѣненія въ жизни Харь- ковской губ. въ XIX вѣкѣ.

Послѣ превращенія слободскихъ полковъ въ Харьковскую губ. жизнь потекла въ ней по общерусскому руслу. Вмѣстѣ со всей Россіей наша губернія переживала какъ времена застоя, такъ и реформъ. Войсковые обыватели, не приписавшіеся къ купечеству и мѣщанству, вмѣстѣ со свободнымъ посполѣствомъ, образовали сословіе казенныхъ крестьянъ, которые отбывали установленныя повинности и платили подати въ пользу государства. Система военныхъ поселеній, усердно насаждавшихся въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи для поднятія воинскаго духа населенія гр. Аракчеевымъ по распоряженію Александра I, коснулась и казенныхъ крестьянъ Харьковской губерніи. По указу 6 апрѣля 1817 года нѣкоторыя казенныя селенія, губерніи были назначены для поселеній 3-й уланской дивизіи. Военныя поселенія были расположены въ Зміевскомъ, Волчанскомъ и Старобѣльскомъ уѣздахъ. Казарменная обстановка жизни, строгія взысканія за малѣйшее уклоненіе отъ установленнаго порядка, обязательныя работы государственнаго характера не могли понравиться потомкамъ нѣкогда свободныхъ черкасъ. И они иногда выражали свой протестъ въ формѣ бунтовъ. Слѣдами военныхъ поселеній, уничтоженныхъ при Николаѣ I, въ Харьковской губерніи являются уцѣлѣвшіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ остатки сооруженныхъ при Аракчеевѣ каменныхъ зданій, шляхи, усаженные деревьями, и сосновые лѣса, насаженные по его распоряженію. Что касается владѣльческихъ крестьянъ, то имъ наравнѣ со всероссійскимъ

крестьянствомъ пришлось ждать своего освобожденія до 1861 года, когда они получили личную свободу и были надѣлены землею по установленнымъ нормамъ. Общинное землевладѣніе, продолжающее существовать, хотя и не въ первоначальномъ видѣ—у крестьянъ нашей губерніи, составляетъ явленіе позднѣйшаго порядка и ведетъ свое начало съ 1814 года, когда Харьковскимъ вицегубернаторомъ для болѣе исправнаго сбора казенныхъ податей былъ произведенъ равный передѣлъ старозаимочныхъ земель по числу душъ и была запрещена продажа земли въ чужія руки. Такимъ образомъ вмѣсто частной собственности, возникшей на почвѣ старочеркасской заиманщины, была создана община.

Этнографическій очеркъ.

Составъ населенія.

Какъ видно изъ исторіи заселенія Слобожанщины, рѣшительно преобладающее большинство ея населенія составляютъ украинцы. Устарѣвшія къ настоящему времени цифры послѣдней переписи 1897 г. даютъ возможность отчасти опредѣлить украинское населеніе Харьковской губ., той его главной части, которая осталась вѣрной своей національности по главному ея признаку—языку. Общее число жителей Харьковской губерніи по переписи 1897 г. было—2,492,316; абсолютное число украинцевъ—2,009,411, въ процентахъ съ городами—80,6, а безъ городовъ—85,3, въ общемъ по отношенію ко всему числу—81,7.

Въ теченіе 20 лѣтъ цифры эти несомнѣнно измѣнились въ смыслѣ увеличенія вообще.

Въ зависимости отъ различныхъ мѣстныхъ природныхъ и экономическихъ условій въ Слобожанщинѣ въ жизни и обстановкѣ народа обнаруживаются различные оттѣнки. Такъ, въ предѣлахъ собственно Харьковской губерніи выдѣляются: 1) Сѣверо-западная часть по Пслу и Ворсклѣ, лѣссистая, съ богатымъ черноземомъ, чисто украинскимъ населеніемъ, съ небольшимъ оазисомъ великоросовъ въ составѣ 5—6 селъ въ Ахтырскомъ уѣздѣ; въ этой части находятся уѣзды Сумскій, Богодуховскій, Лебединскій и Ахтырскій. Край живописный и богатый; прорѣзанъ желѣзными дорогами; усяянъ многочисленными сахарными заводами, съ двумя особенно крупными въ Тростянцѣ и Гутахъ. 2) Центральная часть съ большимъ притягательнымъ центромъ—Харьковомъ; уѣзды Харьковскій, Волчанскій, Валковскій, съ плодородной почвой, живописными взгорьями, перевалами, лугами и лѣсами по-надъ рѣчками Удами и Донцомъ, съ многочисленными дачными поселками, со многими хорошими хозяйствами, тѣсно связанными съ городомъ, съ развитымъ садоводствомъ и огородничествомъ. Населеніе почти сплошь украинское, за исключеніемъ немногихъ великорусскихъ селъ въ Харьк. у. и съ очень пестрымъ по составу населеніемъ города Харькова, почти вполнѣ

потерявшего свою старую украинскую окраску. Край изрѣзанъ желѣзными дорогами, въ Волчанскомъ уѣздѣ также шоссейными. 3) Юго-восточные уѣзды—Купянской, Старобѣльскій и Изюмскій, преимущественно однообразного степного характера, мѣстами съ минеральными богатствами, съ населеніемъ частью украинскимъ, частью великорусскимъ, съ украинизированными сербами и неподдающимися украинизаціи нѣмецкими колоніями. Огромное большинство населенія относится къ украинскому народу.

Украинцы

представляютъ довольно однородное племя темно-волосое, темноглазое, выше средняго или высокаго роста, высокоголовое, узколикое, съ прямымъ и довольно узкимъ носомъ, съ сравнительно короткими верхними и длинными нижними конечностями. Отступленіе наблюдается только на сѣверныхъ окраинахъ губерніи отъ смѣшенія съ великоруссами, которые отличаются свѣтлыми волосами, свѣтлыми глазами и болѣе низкимъ ростомъ. Тотъ языкъ, на которомъ говоритъ украинецъ Слобожанщины, считается сравнительно наиболѣе чистымъ и благозвучнымъ. Такимъ онъ былъ, по крайней мѣрѣ, до конца прошлаго вѣка. Художественная проза Квитки построена всецѣло на томъ языкѣ, какой онъ слышалъ на Основѣ, подѣ Харьковомъ, въ Куряжѣ и въ самомъ Харьковѣ, окраины котораго 70—80 лѣтъ тому назадъ представляли собою чисто украинское населеніе. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, умноженіемъ заводовъ и фабрикъ, съ развитіемъ солдатчины, съ обрусеніемъ школы въ языкъ вошло много порчи въ видѣ исковерканныхъ или чужихъ словъ.

Великороссы

въ Харьковской губерніи встрѣчаются оазисами въ разныхъ уѣздахъ: Харьковскомъ, Ахтырскомъ; лишь въ Старобѣльскомъ уѣздѣ они идутъ сплошной полосой, сливаясь съ сосѣдними великорусскими губерніями. Много осѣло ихъ въ городахъ, особенно въ Харьковѣ, гдѣ уже давно стала проявляться великорусская колонизація, сначала въ видѣ купцовъ, привлеченныхъ ярмарками, позднѣе-рабочихъ, вслѣдствіе быстрого роста фабрикъ и заводовъ. Въ послѣдніе годы войны и революціи большою волной въ города прилили евреи и латыши.

Процессъ обрусенія.

Отношенія между украинцами и великороссами—дѣловыя, въ общемъ холодныя. Села живутъ рядомъ, мѣстами даже улицы рядомъ; но у каждой—особый языкъ, особая одежда, отсутствіе общихъ гулянокъ; браки совершаются только въ кругу соплеменниковъ. Селяне украинцы вступаютъ на путь обрусенія, когда переходятъ въ мѣщане, купцы или дворяне. Средняя и высшая школа, и служба играютъ

большую роль въ смыслѣ отдѣленія отъ родного края, отъ отчей семьи, иногда съ презрительнымъ отношеніемъ къ „мужику“, его языку, одеждѣ, складу понятій, ко всему прошлому своего народа и края.

Такого рода измѣненія въ жизни народа давно уже привлекли къ себѣ вниманіе лицъ, близко къ нему стоящихъ, особенно Квитки-Основьяненка въ 30-ыхъ годахъ. Въ украинскомъ разсказѣ „Малороссійская быль“ Квитка обрисовалъ, напримѣръ, такое явленіе, какъ сынъ селянина Харька изъ школы вынесъ одно высокомѣрное презрѣніе къ отцу, ко всему родному. „Жити по людски“ для него значило только жить по пански. Еще съ большимъ осужденіемъ Квитка отнесся къ этому явленію въ разсказѣ на русскомъ языкѣ „Ложныя понятія“ въ обрисовкѣ крестьянина Стовбыря. Повѣсть эта, слабая въ художественномъ отношеніи, любопытна по обилію бытовыхъ чертъ. Стовбырь имѣлъ въ селѣ домъ, витрякъ, пасѣку, садъ, огородъ; все это добро онъ продалъ, чтобы переселиться въ городъ и открыть тутъ торговлю. Въмѣсто свиты сѣраго уразовскаго сукна онъ началъ носить синій жупанъ, а потомъ черкеску; жену нарядилъ въ богатые кунтуши, люстриновыя юпки, шелковыя запаски, парчевыя очипки, глазетовыя кораблики (головн. уборъ), кораллы и дукаты. Съ переселеніемъ въ городъ и послѣ знакомства съ мелкими торговцами онъ надѣлалъ ей круглыхъ платьевъ и накупилъ платковъ. Въ городѣ купилъ домъ въ лучшей части города о 5-ти комнатахъ. Не безъинтересно описаніе стариннаго мѣщанскаго дома, встрѣчающагося и въ настоящее время въ уѣздныхъ городахъ и слободахъ: Крыльцо въ нѣсколько ступенекъ съ навѣсомъ, поддерживаемымъ двумя столбиками съ вырѣзанными кружками, городками и т. п., покрашеннымъ зеленой краской. Въ сѣняхъ, вымощенныхъ кирпичемъ, три двери и лѣстница на чердакъ. Дверь прямо вела въ „залку“. Въ залкѣ два окна съ частымъ переплетомъ и зелеными стеклами. Въ обоихъ переднихъ углахъ иконы въ окладахъ, кіотахъ и безъ нихъ, работы художниковъ борисовской и суздальской школъ. Всѣ иконы убраны бумажными цвѣтами: зеленою розою, пунсовыми крупными гвоздиками, голубыми тюльпанами; лампы загреваются подъ праздникъ; въ простѣнкѣ между окнами небольшое зеркало изъ краснаго дерева съ двуглавымъ орломъ на верху. Отъ орла до самаго конца зеркала на обѣ стороны спускалось полотенце, вышитое красными нитками разнымъ узоромъ. Обѣ это полотенце вытирають руки; его мѣняють по субботамъ. Залку украшаютъ картинки любовнаго и батальнаго содержанія. Стѣнные часы съ кукушкой и столъ для складки шубъ довершаютъ убранство залки. Изъ залки дверь направо

вела въ „гостиненку“, дверь налѣво—въ опочивальню. Послѣднюю наполняла двойная кровать, нагруженная перинами и подушками. Изъ спальни выходъ въ „кухоньку“, а изъ послѣдней въ сѣни. Въ сѣняхъ дверь направо вела въ отдѣльную комнату, „покой“, предназначенную для гостя или постоя. При домѣ ни огорода, ни сада не было. Стовбырь, теперь уже Стовбыревскій, не хочетъ уже заниматься „мужицкимъ промысломъ“, т. е. огородничествомъ и садоводствомъ. Квитка подмѣтилъ тонкую черту людей, отрѣшающихся отъ народа: отвращеніе къ природѣ. Замѣчательна одна черта въ „Ложныхъ понятіяхъ“. Когда Стовбырь на угощеніе мелкихъ чиновниковъ и купцовъ истратилъ все свое состояніе и долженъ былъ, облекшись снова въ сѣрую свиту, возвратиться въ родное село, друзья чиновники и мѣщане перестали его узнавать и при встрѣчѣ отворачивались отъ него, а крестьяне будто не видѣли его униженія и не обидѣли его словомъ. Они жалѣли, что „ему такъ не посчастливилось“

А. В. Никитенко, говоря въ своихъ „Запискахъ“ объ одномъ большомъ украинскомъ селѣ въ первые годы XIX вѣка (годы наблюденій Квитки), замѣчаетъ: Вся правительственная власть (село графа Шереметьева) сосредоточивалась въ рукахъ графскаго уполномоченнаго или управителя, а сила, двигавшая общественными пружинами и ходомъ вещей—въ рукахъ богатыхъ обывателей, такъ называемыхъ мѣщанъ. Эти мѣщане занимались преимущественно торговлею, и многіе изъ нихъ обладали значительными капиталами, тысячъ до двухсотъ и болѣе рублей. Предметъ ихъ торговли составляли хлѣбъ, сало и кожи. Они не отличались добрыми нравами. То были малороссіяне, выродившіеся или, какъ ихъ называли въ насмѣшку, перевертни, успѣвшіе усвоить себѣ отъ русскихъ одни только пороки. Надутые своимъ богатствомъ, они презирали низшихъ, то есть болѣе бѣдныхъ, чѣмъ сами, сильно плутовали и плутовскимъ продѣлкамъ были обязаны своимъ благосостояніемъ. Жили они роскошно, стараясь подражать горожанамъ, одѣвались въ щегольскіе жупаны, смѣшивая покрій малороссійскій съ русскимъ, задавали частыя попойки, украшали дома свои богато, но безвкусно. Жены ихъ и дочери щеголяли тонкаго сукна кунтушами, шитыми золотомъ очипками, запасками, особенно намистами (ожерельями) изъ дорогихъ крупныхъ коралловъ, въ перемѣшку съ серебряными и золотыми крестами и дукатами...

Украинскія селенія

Населеніе распредѣляется въ Слобожанщинѣ по городамъ, селамъ и хуторамъ. Ростъ городовъ большой. Въ нихъ скопляются крупныя торговыя и промышленныя учрежденія, высшія и среднія школы; жизнь

въ нихъ бьетъ ключемъ и притягиваетъ къ себѣ народъ. Въ города, особенно въ Харьковъ, идутъ одни для заработка, другіе для ученія, третьи для развлечения.

Село-большой населенный пунктъ на берегу рѣчки или вблизи пруда, съ церковью, со школой; большія села съ волостнымъ правленіемъ, пожарнымъ отдѣломъ, иныя съ банкомъ, читальней, бібліотекой.

Хуторъ—маленькій поселокъ, безъ церкви, безъ школы, у ставочка или у колодца, иногда изъ одного, двухъ, трехъ дворовъ, постепенно возникшихъ въ лѣсочкѣ вблизи пасѣки.

Предпочтеніе отдается селу, что и въ пѣсняхъ нашло себѣ отраженіе, гдѣ за словомъ „село“ стоитъ объясняющее слово—весело, а весело потому, что болѣе народу, и церковь есть, и базары бываютъ, и лавки съ необходимыми въ хозяйствѣ предметами.

Улицы, за исключеніемъ двухъ-трехъ, идутъ большей частью безъ плана, съ переулочками, съ закругленіями, съ тупиками, и обыкновенно безъ названія. Названія обычны по урочищамъ, въ составъ которыхъ входитъ одна или нѣсколько улицъ, напр., Петренківка, Приточилровка, Гора и т. д.

Дворы разной величины, въ зависимости отъ запаса свободной земли, даже въ предѣлахъ одного и того же уѣзда, напр., въ Котельвѣ, Ахтырскаго уѣзда, дворы болѣе обширны, чѣмъ въ Боромлѣ, того же уѣзда.

Съ ростомъ населенія и развитіемъ малоземелья дворы уменьшаются, постройки все болѣе скучиваются, и все болѣе страдаютъ отъ огня. Мѣстами, напримѣръ въ Боромлѣ, послѣ пожаровъ, уничтожившихъ среди села рядъ дворовъ, часть пострадавшихъ для постройки жилья переводилась на новыя мѣста, чтобы разрѣдить густоту построекъ. Желѣзныя крыши, появившіяся при содѣйствіи Земства, мало помогаютъ при густотѣ построекъ и быстро ржавѣютъ при дороговизнѣ краски и плохомъ ея качествѣ.

Украинскія села и украинскіе дворы, глядя со стороны, представляются однообразными; но если присмотрѣться къ нимъ поближе, то нельзя не замѣтить большого разнообразія въ мелочахъ, въ распредѣленіи построекъ, перегородокъ, выборѣ растений, и т. д. разнообразія, отражающаго личные вкусы каждаго домохозяина,—черта характерная для украинскаго народа, какъ одинъ изъ показателей развитія личности и ея неизмѣннаго стремленія накладывать на окружающее свой особый отпечатокъ.

Ж и л и щ а. Хаты выходятъ или прямо на улицу или отдѣляются отъ улицы тыномъ. Помѣщеніе хаты за тыномъ объясняется стремленіемъ оградить ее въ холодное время

отъ снѣга и вѣтра. Матеріалъ бываетъ разный. Чаше всего хаты строятся изъ дерева, рѣже изъ хвороста, обмазаннаго глиною, и еще рѣже изъ камня, въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Сначала дѣлають связь изъ бревенъ, потомъ ихъ клинцуютъ, то-есть набиваютъ деревянные колочки, затѣмъ обмазываютъ толстымъ слоемъ глины, перемѣшанной для прочности съ сухимъ навозомъ, и, наконецъ, бѣлятъ стѣны мѣломъ, а заваленку или призьбу около хаты желтою охрою. Иногда вмѣсто побѣлки, преимущественно въ Богодуховскомъ уѣздѣ, красятъ синькою въ голубой цвѣтъ; въ Лебединскомъ уѣздѣ мѣстами одну стѣнку прицѣлковою, выходящую на улицу, бѣлятъ, а другую красятъ въ желтый цвѣтъ.

Рис. 136. Украинская хата.

Черныхъ или курныхъ хатъ, какія кое-гдѣ встрѣчаются на Волини и въ Бѣлорусси, безъ трубы, такъ что дымъ идетъ подъ потолокъ, въ дырки, такихъ старыхъ хатъ въ Слобожанщинѣ давно уже нѣтъ.

Въ старину дѣлали хаты маленькія—въ одну комнату съ сѣнями, позднѣе повсемѣстно утвердился господствующій типъ хаты—въ двѣ комнаты съ сѣнцами посрединѣ. Нынѣ часто строятъ хаты въ нѣсколько комнатъ, и съ потолокомъ выше, чѣмъ ранѣе, и съ лучшими растворчатыми окнами, вмѣсто старинныхъ маленькихъ оконъ въ одно стекло или въ три стекла, старая двурамная, при чемъ поднималась только нижняя рама съ однимъ стекломъ, которое, когда открывали, подпирали палочкой.

Въ названіи разныхъ частей хаты обнаруживается нѣмецкое вліяніе. *Ганокъ* (крыльцо), *дахъ* (крыша), *груба* (печь), *шибка* (стекло въ оконной рамѣ) всѣ слова заимствованы изъ нѣмецкаго языка. Вѣроятно, они зашли въ старыя времена съ ремесленниками-нѣмцами.

Внутреннее расположеніе частей хаты на Украинѣ однообразно, отъ Воронежской губерніи до Карпатъ одно и тоже: отъ входа въ одну сторону въ углу печь, въ другую-полыця или мисникъ, т. е. шкафикъ на стѣнѣ для посуды; между печью и узкою стѣною хаты — причілкомъ — пілъ или деревянный помостъ

Рис. 137. Внутренній видъ хаты.

для постели, впереди подъ иконами покутъ со столомъ. Вдоль двухъ стѣнъ скамьи—лавы, у стола маленькія скамеечки—ослончики, замѣняющіе стулья. Вокругъ иконъ цвѣты, рушники, кое-гдѣ малюнки благочестиваго содержанія: виды монастырей, изображеніе святыхъ или архіереевъ, кой-гдѣ царскіе портреты лубочныхъ московскихъ изданій; надъ лавкой между двумя окнами зеркальце, съ рушниками по бокамъ. Печь часто бываетъ расписана цвѣтами.

Съ хатой и отдѣльными ея внутренними частями связано много обрядовъ, повѣрій и сказокъ.

Уже выборъ мѣста и закладка хаты сопровождаются часто гаданіемъ, ворожбой. Примѣчаютъ, гдѣ во дворѣ ложится рогатый скотъ и считаютъ такое мѣсто особенно благопріятнымъ для постройки. По угламъ хаты закапываютъ хлѣбныя зерна.

При укладкѣ сволака его предварительно перевязываютъ рушниками и платками, чтобы хата не была голой. Эти рушники и платки идутъ въ пользу плотниковъ, которыхъ при этомъ угощаютъ. Вообще, плотниковъ побаиваются, чтобы они не наворожили, въ случаѣ недовольства. Особенно недовѣрчиво относятся къ плотникамъ изъ великороссовъ, по причинѣ ихъ „знакомства съ нечистою силою“.

Печь до сихъ поръ пользуется особымъ почетомъ, какъ мѣсто огня, любимое мѣсто „домового“. Печь освящаетъ и очищаетъ

человѣка. Дѣвушка, во время сватовства, обязательно должна стоять у печки и колупать ее. Послѣ похоронъ руками берутся за печку для очищенія отъ нечистаго. Печь—средоточіе жизни въ сельской хатѣ. На печку кладутъ новорожденного младенца. На печи доживаютъ свои послѣдніе годы старики. Замечать печь нужно чистымъ помеломъ, чтобы не обидѣть огня. Во многихъ мѣстахъ въ печкѣ всегда держатъ воду, чтобы печь не была „голой“. На угляхъ гадаютъ.

Рис. 138. Великорусскія дѣвушки изъ Нишахи, Ахтырск. у. въ національныхъ костюмахъ.

Золу печную даютъ пить отъ болѣзней. На свадьбахъ къ печи обращаются съ просьбой, чтобы каравай хорошо спекся или чтобы молодые были счастливы.

Одежда

сильно измѣнилась. Великороссы оказались болѣе консервативными. Они большей частью сохранили старинныя одежды, особенно женщины. Украинцы усвоили почти повсемѣстно городскіе костюмы, при чемъ, именно, женщины болѣе всего оказались въ этомъ отношеніи уступчивы. Старинныя плахты, запаски, парчевыя очинки, красные и желтые сафьяные сапоги встрѣчаются нынѣ рѣдко. Взамѣнъ пошли новомодныя корсетки, юбки, жилеты, ботинки, галоши. Резиновыя галоши стали предметомъ франтовства. Фабрика вытѣснила старинный домодѣлковый матеріалъ. Получилось болѣе разнообразіе въ цвѣтахъ и обманчивая дешевка, такъ какъ фабричныя продукты относительно прочности оказались ниже домодѣлковыхъ.

Пища и напитки

опредѣляются, главнымъ образомъ, экономическимъ положеніемъ: одни у богатыхъ, другіе у бѣдныхъ. Много, однако, измѣнилось съ теченіемъ времени. Почти совсѣмъ вышли изъ употребленія жидкія хлѣбныя кушанія-кваша, соломаха, пугря; исчезли совсѣмъ нѣкоторыя приправы, напр., шафранъ, бывшій въ большемъ употребленіи въ старину, меды, многія настойки (калгановка и др.). Употребленіе мяса и рыбы уменьшилось, вслѣдствіе ихъ сильнаго вздорожанія: говядина всегда была въ маломъ ходу на Украинѣ. Рогатый скотъ держали болѣе для работы и для продажи. Въ пищу шла баранина, которая при развитомъ въ старину овцеводствѣ, была очень дешева: въ половинѣ прошлаго вѣка на базарахъ она продавалась по 3—5 коп. за фунтъ. Было также много домашней птицы, которой часто пользовались и селяне для своего стола. Въ рѣчкахъ и прудахъ водилось много рыбы и раковъ. Въ старое время рыбы еще много доставляли чумаки съ Дона и Азовскаго моря. Лѣса, гдѣ росло много фруктовыхъ деревьевъ, и многочисленныя панскіе и селянскіе сады, давали большое количество фруктовъ на кушанья, узвары, варенья.

Рис. 139. Украинская дѣвушка въ національномъ костюмѣ.

Среди напитковъ водка взяла перевѣсъ надъ всѣми остальными. Распространенные въ старину меды вышли изъ домашняго заготовленія и стали предметомъ заводскаго производства.

Вольное нѣкогда винокуреніе стало также предметомъ исключительно заводской промышленности и было монополизировано государствомъ. Водка стала болѣе крѣпкой и болѣе дорогой, и, соотвѣтственно тому, гораздо болѣе вредной для нравственности и быта народа, приводя однихъ къ развращенію нравовъ, другихъ—къ обѣдненію. Возникло много, такъ называемыхъ пьяницкихъ пѣсенъ, составленныхъ большею частью женщинами, какъ протестъ противъ пьянства мужей-обидчиковъ и разорителей хозяйства, напр.:

„Ой ти пьєшь та гуляєшь,	Розвяжи нам, попе, руки,
Не говоришь зо мною:	Бо нароблю лиха.
Доведеться, мій нелюбе,	Я невірную дружину
Розійтись з тобою.	Та навіки покину,
Ой піду я до попа,	А сама піду до роду
Скажу ему стиха:	З родом не загину“...

Для жены бездѣтной рѣшеніе бросить пьяницу—мужа легко выполнимо. Гораздо труднѣе отдѣлаться отъ него при наличности маленькихъ дѣтей, что превосходно выражено словами одной пѣсни:

Горе мені, моя матусенько, жити з пьяницею;
Просуну я віконце, аж матуся в гости йде,
Питається дочки молоді, „чи пьяниця в домі є“?
„Дома, дома, моя матюнко, цить, не гомони,
Спить пьяниця в новій коморі, гляди, не збуди“.
Нехай спить, нехай лежить, чи нехай не встане.
Нехай твоя бідна головонька от журботи одстане.
„Прошу тебе, моя матусенько, та не лай його,
В мене дітки маленькі і горе жити без нього“.

**Значеніє въ
быту земле-
дѣлія.**

Слобожанщина-земледѣльческій край Власть земли тутъ еще очень велика, что обнаруживается въ зависимости городовъ отъ селъ и въ обилии обычаевъ, обрядовъ, повѣрій, сказаній о хлѣбѣ и хлѣбопашцахъ. За исключеніемъ рѣдкихъ неурожайныхъ годовъ, хлѣба въ Харьковщинѣ было всегда болѣе, чѣмъ достаточно, для прокормленія мѣстнаго населенія, и значительный его излишекъ шелъ еще въ продажу. Такъ какъ, при господствующемъ въ краѣ земледѣльческомъ бытѣ, хлѣбъ составляетъ не только

основу пропитанія, но и заработка, и праздничной радости въ формѣ разныхъ печеній, то и почетъ великій ему оказывается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. При ѣдѣ грѣхъ крошить хлѣбъ; всѣ крошки должны быть собраны и брошены въ печь или отданы птицѣ. Хлѣбъ считается святымъ. Его нельзя топтать ногами. Въ народныхъ разсказахъ и пѣсняхъ къ хлѣбу обращаются, какъ къ живому лицу, и хлѣбъ даже говорить. Такъ, въ Купянскомъ уѣздѣ ходитъ разсказъ о томъ, что одинъ селянинъ задумалъ убить свою распутную жену, но былъ удержанъ отъ преступленія словами лежавшаго на столѣ хлѣба, который указалъ на свою исполненную мученій жизнь и совѣтовалъ потерпѣть. Селянинъ послушался совѣта, и ледащая его жинка стала вскорѣ хорошею женою и хозяйкою.

Пожеланіе урожая выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, чаще всего и болѣе всего въ посыпаніи хлѣбнымъ зерномъ въ хатѣ на первый день Новаго Года, обсыпаніи свадебнаго поѣзда невѣсты, всыпаній подѣ фундаментъ при постройкѣ дома и т. д. Выражается это пожеланіе и во многихъ пѣсняхъ, преимущественно въ колядкахъ и щедривкахъ, которыя поютъ подѣ Новый Годъ. Обыкновенно онѣ кончаются словами:

Зароди, Боже,

Жито, пшеницю,

Жито, пшеницю,

Усяку пашницю.

Старая земледѣльческая культура нашла выраженіе во многихъ художественныхъ пѣсняхъ и сценическихъ обрядныхъ дѣйствіяхъ въ формѣ обхода полей съ хоругвями и пѣснями. Все это теперь идетъ къ забвенію. Кое-что можетъ быть переработано и сохранено для школы и сцены.

Ремесленный и фабричный бытъ. Ремесла и промыслы подверглись громаднѣмъ перемѣнамъ. Вполнѣ прекратились многія отрасли промышленности, селитряный, коцарскій (выдѣлка ковровъ), чумацкій; упало сильно пчеловодство и садоводство; мѣстами появились новыя отрасли, разведеніе клубники (въ Боромлѣ и въ Безлюдовкѣ), огородничество съ торговлею сахаровареніемъ, преимущественно въ Сумскомъ, Ахтырскомъ и Богодуховскомъ уѣздахъ. Въ общемъ, кустарные промыслы пошли на убыль, фабрики и заводы—въ ростъ, и вездѣ сталъ быстро увеличиваться рабочій классъ.

Экономическій переворотъ, главнымъ образомъ, переходъ съ натуральнаго хозяйства на фабричное далъ много новыхъ явленій въ бытовой, нравственной и умственной жизни народа. Въ бытовомъ отношеніи обнаруживается сравнительно большое

разнообразіє въ формахъ жизни и привнесеніє многихъ измѣненій въ постройки, одежду, пищу, въ приемы хозяйства, увеличеніє стремленія къ прикладнымъ техническимъ знаніямъ. Въ моральномъ отношеніи обнаруживается огрубѣніє и порча пѣсни, расширеніє понятій о женщинѣ, какъ членѣ семьи и общества, ослабленіє религіознаго чувства. Въ умственномъ отношеніи—быстрый ростъ національнаго самосознанія, появленіє въ большемъ числѣ просвѣтъ, банковъ, кооперативовъ, спілокъ, стремленіє расширить и улучшить школу.

Жизнь человѣка естественно раздѣляется на личную, семейную и общественную, причемъ общественная жизнь, расширяясь, переходитъ въ государственную.

Въ личной жизни два основныхъ предопредѣленныхъ явленій—рожденіє и кончина, и рядъ другихъ, зависящихъ отъ свободной воли человѣка; въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ—бракъ, какъ главная ступень въ строительствѣ жизни личной и семейной. Рожденіє, бракъ и смерть—въ виду ихъ важности, у народа всегда были окружены многочисленными повѣрьями, обрядами, сказками и пѣснями, созданными большею частью въ давнія времена. Построены онѣ, преимущественно, на желаніи дать человѣку довольство и счастье въ жизни.

Дѣтство.

Самое появленіє ребенка на свѣтъ уже вызываетъ рядъ повѣрій и обрядовъ, рассчитанныхъ на то, чтобы роды были легкія, и ребенокъ былъ живъ и счастливъ: запретъ смотрѣть на безобразныхъ лицомъ, на лягушекъ, змѣй, развязываніє узловъ на одеждѣ во время родовъ, предосторожности отъ сглаза и т. д. Когда родился ребенокъ, наступаютъ новыя заботы: его обмываютъ, обрѣзываютъ пуповину, „місце“ закапываютъ подъ порогомъ, при купаніи ребенка „слизываютъ“, т. е. проводятъ языкомъ навкрестъ по личику, купаютъ въ любисткѣ, чтобы любили и т. д. Мать поетъ надъ колыбелью ребенка „колискові“ пѣсни, простыя, задушевныя, рассчитанныя на первые проблески сознательной жизни и первыя наблюденія ребенка надъ окружающей его обстановкой, причемъ большую роль играетъ котъ-воркотъ:

Коте сірий,

Коте білий,

Коте волохатий,

Да ходи до хати,

Дитиночку колихати,

Дамо тобі папи (хлѣба)

Да у твои лапи.

Дамо тобі сала,

Щоб дитина спала,

Будем бити по лапкахъ,

Щоб не ходив по лавкахъ,

Щоб не скидав кружечків,

Щоб не зыдавав вершечків.

Пісні съ котикомъ легко приспособляються до каждого маленькаго Ивана, Петрика, Гали, иногда съ добрымъ совѣтомъ, напр.:

А—а, коточок!

Украу у баби клубочок,

Та поніс до Галі,

Положив на лаві.

Стала Галя кота бить,

Не вчись, коте, красти,

А учись робить,

Черевички шить....

Съ возрастомъ дѣти собираются на улицѣ подѣ дворами для общихъ игръ. Число дѣтскихъ игръ велико, напр., въ одномъ Купянскомъ уѣздѣ записано свыше сотни игръ. Въ нѣкоторыхъ играхъ сохранились остатки древняго почитанія силъ и явленій природы—солнца, дождя, въ формѣ обращенія къ нимъ съ просьбами; въ иныхъ играхъ слышенъ еще слабый отзвукъ давнихъ историческихъ событій или древняго быта, въ видѣ лука-самострѣла, набѣга татаръ; но такихъ игръ мало. Большею частью дѣтскія игры на Украинѣ такія же, какія въ Германіи, въ Англіи и др. странахъ, что объясняется сходствомъ дѣтскихъ вкусовъ и понятій у всѣхъ народовъ. Игры бываютъ съ палками, съ ножичкомъ, съ мячемъ, съ камешками или косточками, со жгутомъ, съ ловлею, въ куплю и продажу, игры въ перегонки, игры съ приговорами, припѣвами и пѣснями.

Къ числу любимыхъ игръ съ пѣснями принадлежитъ игра „въ макъ“ и игра „въ дударя“. Первая игра упоминается еще у стараго харьковскаго писателя XVIII вѣка Сковороды съ любопытнымъ замѣчаніемъ, что простая пѣсенка этой игры нравилась бѣлгородскому Епископу Іосафу Горленко. Состоить эта игра въ томъ, что дѣвочки или мальчики, взявшись за руки, ведутъ кругъ, по серединѣ котораго сидитъ мальчикъ (или дѣвочка) и поютъ:

Соловеечку, сватку, сватку,

Чи бував же ти в садку, в садку,

Чи бачив, як сіють мак.

Мальчикъ показываетъ рукою, какъ сѣють макъ. Далѣе поютъ снова „Соловеечку“ и пр., перемѣняя только вопросъ, какъ макъ рвуть, какъ его ѣдятъ, а мальчикъ все это объясняетъ молча руками.

Игра въ „дударя“ состоитъ въ томъ, что кругъ поетъ:

Захворав наш Дударь, зане-

дужав,

Та пішли баби зілля рвати

Трой зілля рвати, Дударя ку-

пати.

Та уж наш Дударь та рученьку

підняв,

Та уж наш Дударь та і другу

підняв,

Та уж наш Дударь і ніженьку	Ой ходімо, подивимось, як
підняв,	старі баби скачуть,
Та уж наш Дударь і головку	Оттак баби скачуть, оттак
підняв,	баби пляшуть
Та уж наш Дударь і зовсім	Згорбулившись, зажмурившись.
установ.	

Мальчикъ, сидящій посрединѣ круга, показываетъ, какъ онъ выздоравливаетъ, постепенно поднимается, и дѣти пускаются въ пляску.

Вечерниці. Взрослая молодежь развлекается на вечерницахъ, досвіткахъ или улицахъ. „Улица“ бываетъ лѣтомъ подъ праздники, когда стемнѣетъ. Молодежь собирается возлѣ двора, гдѣ есть дѣвчата поютъ пѣсни, ведутъ игры, играютъ на гармоникѣ. Вечерниці или досвітки бываютъ осенью и зимою; устраиваются молодежью въ складчину въ хатѣ какой-либо вдовы, получающей за это угощеніе или небольшую плату. Отзывы о нравственной сторонѣ вечерницъ весьма различны, есть благопріятные и неблагопріятные, послѣдніе большей частью новаго времени; но и въ старое время, какъ показываютъ повѣсти Квитки-Основьяненко, строгіе родители не пускали на вечерниці своихъ дочерей. На вечерницахъ молодежь знакомится, и такое знакомство, обыкновенно, оканчивается свадьбой.

Бракъ. Свадьба—самый торжественный и веселый такъ въ жизни, представляетъ рядъ живыхъ драматическихъ сценъ, съ шутками, прибаутками, пѣснями и обрядами, всецѣло рассчитанными на то, чтобы предопредѣлить молодымъ счастливую жизнь, урожай хлѣба, хорошихъ добрыхъ дѣтей и спокойную тихую старость. По такимъ доброжелательнымъ мотивамъ обсыпаютъ молодыхъ хлѣбными зернами, сажаютъ ихъ на вывернутый шерстью вверхъ кожухъ, брызгаютъ виномъ въ потолокъ, сажаютъ молодой на колѣни мальчика, торжественно пекутъ свадебный хлѣбъ съ разными украшеніями. что въ старое время имѣло значеніе жертвоприношенія солнцу.

Сватанье связано съ разными обрядами и поговорками. Оно очень сценично, и потому его въ широкой мѣрѣ использовали украинскіе драматурги и живописцы—Квитка, Кропивницкій, Карпенко-Карый, В. Маковскій и мног. др. Парубокъ посылаетъ обыкновенно двухъ сватовъ, которые приходятъ съ хлѣбомъ въ рукахъ, и затѣмъ между ними и родителями невесты начинается такой разговоръ:

Сваты. А пустіть, будьте ласкаві, в хату, кланяємось вам, свате, хлібом-сілля (дають хлѣбъ).

Батько і мати. Спасибі за хліб, за сіль. Сідайте.

Сваты. Ми прийшли до вас шукать куніци, що ховається під солом'яні копиці (входить дівчина, и становиться у печки и колупаєть ее).

Батько. Бачите, ловці-молодці, що ви наробили, мене з жінкою смутили, дочку пристидили, що скоро піч зовсім повалить. Так, ось що мы зробимо: доброго слова не цураємось, а щоб ви нас не порочили за те, що ми передержуем куніцю-красную дівцю, то ми вас перевяжемо і тоді усе добре вам скажемо. Дочко! прийшла черга і нам до прикладу казати, годі піч колупати, а чи нема чим цих ловців-молодців пов'язати.

Мати. Чи чуєш, Тетяно, що батько каже. Йди, та давай чим людей перев'язати. А може, нічого не придбала та з сорому піч колупаєш. Нівміла матері слухать, не вчилася прясти, не заробила рушників? (Дѣв. идеть въ комнату и выносить на тарелкѣ два вышитыхъ, крестъ на крестъ положеныхъ, рушника, кладеть ихъ на хлѣбѣ, кланяется и цѣлуєть руку у батька и у неньки, потомъ обв'язуєть рушниками сватовъ. Сваты кланяються и говорять).

Сваты. Спасибі батькові й матері, що свою доню рано будили і доброму ділу вчили. Спасибі і дівочці, що рано вставала, тонко пряла і гарні рушники придбала (входить женихъ. Дѣв. выноситъ платокъ).

Батько. Цѣму, дочко, сама чипляй, за пояс хустку затикай, та до себе притягай, та слухай его, та шануй. (Дѣв. дарить хустку. Старики починають угощать гостей).

Первый сватъ, (похваливая горілку говорить другому), А ну, товаришу, спробуй і ти та скажи, чи пили ми таке у Туреччині, або і в Німеччині.

Батько. Кушайте на здоров'ячко; ішла баба від ляхів, та несла здоров'я сім міхів, так ми у неї купили, сім рублів заплатили, та в цю горілочку положили (входять дѣвчата, друзки).

Дівчата.

Обмітайте двори,

Застилайте столи,

Кладіте ложечки,

Срібні блюдечки,

Золоті мисочки,

От ідуть дружечки?

Мати. Сідайте, дружечки, мої голубочки!

Дівчата.

Та ти, дружечко Тетяночко,

Ламлите роженьку,

Стелить дороженьку,

Щоб м'ягко ступати,

На двір танцювати,

З скрипками, цимбалами,

З хорошими боярами.

(Входят бояры-хлопцы, съ музыкою и начинают танцевать).

Дальнѣйшій ходъ свадьбы развивается стройно и послѣдовательно. Въ полномъ видѣ, не совсѣмъ нынѣ выдерживаемомъ, онъ состоитъ въ томъ, что послѣ сватанія или заручинъ, молодой дѣвушкѣ торжественно расчесываютъ косу и надѣваютъ на нее очипокъ-очепини, далѣе гадаютъ, усаживаютъ молодыхъ въ главномъ углу на тулупѣ, вывернутомъ вверхъ шерстью, осыпаютъ хлѣбнымъ зерномъ, пекутъ каравай, обводятъ вокругъ стола, завязываютъ молодымъ руки рушникомъ, послѣ вѣнчанія торжественно со свѣчей встрѣчаютъ въ домѣ молодого, сажаютъ на колѣни молодой мальчика, устраиваютъ брачное ложе, и на другой день ходятъ по улицамъ съ плясками и пѣснями.

Всѣ акты этой сложной свадебной драмы переплетены множествомъ пѣсенъ и обрядовъ.

Со свадьбою кончается веселая молодость и наступаютъ годы трудовой семейной жизни, особенно для женщины-матери и хозяйки, что прекрасно выражено въ одной народной пѣснѣ:

Кому воля, тому воленька,	Борщ каже: закриши мене,
А жіночкамъ все невольенька,	Хата каже: замети мене,
Діжу місить, в печі палить,	Дитя каже: нагодуй мене,
Дитя колиш, борщ вари.	Воркун каже: поцілуй мене.

Послѣдующіе годы даютъ много тревоги и горя, что выразилось въ пѣсняхъ про несчастную долю женщины, мужъ которой пьяница, про горестное житіе на чужой сторонѣ, особенно про ссоры невѣстки съ свекровью, напр., такая выразительная пѣсня записана въ Харьковщинѣ. Пѣсня изложена въ обыкновенной формѣ разговора мужа съ молодою женою:

„Чого ж ти, мила, такая,	Постелю постель-не ляже,
На личинько блідная.	Доброго слова не скаже—
Я ж тобі, милий, правду скажу—	Чоботи помажу-не вбуе,
Я твоїй неньці не вгожу:	Між люде піде-осуде:
Напечу хліба-невдашний,	В мене невістка ледащо,
Помажу комінь-небіло,	Робить не може ні за що“.
Помию ложки-не в діло,	

Смерть. Похоронные обряды и пѣсни малочисленны. Въ старое время въ Харьковщинѣ было ихъ гораздо болѣе: напримѣръ, при похоронахъ парня или дѣвушки ихъ украшали, какъ на свадьбу, за гробомъ дѣвушки шелъ парубокъ, какъ женихъ, въ ходу былъ при этомъ красный цвѣтъ. Бывали еще плачеи, которыя выкрикивали печальныя пѣсни, нынѣ ихъ нѣтъ; но плачи мѣстами еще сохранились въ видѣ заунывныхъ.

печальныхъ пѣсенъ, съ вопросами, куда уходитъ отецъ, мать, мужъ, на кого оставляетъ и т. д. Въ Великороссіи плачей гораздо болѣе, особенно на дальнемъ сѣверѣ, и тамъ есть до сихъ поръ и специалистки пѣть такія пѣсни, особыя плачи.

Праздники. Во всѣ времена отъ будней жизни находили выходъ въ праздникахъ. Въ Слобожанщинѣ, какъ въ старину, такъ и нынѣ праздники занимаютъ въ жизни народа видное мѣсто. Ревностные хозяева—земцы часто высказывались, противъ чрезмѣрнаго числа праздниковъ, особенно Е. С. Гордѣнко, находившій, что народъ треть года губить на бездѣльничаніе, особенно вредное для страдающаго лѣтняго времени. Ранѣе противъ простонародныхъ праздниковъ ратовало духовенство, усматривая въ нихъ остатки языческихъ суевѣрій. Оно добилося даже того, что гетманы издавали запретительные универсалы. Но праздники не поддавались запрету, дошли до нашихъ дней, хотя въ значительно измѣненномъ видѣ. Поблекли и захирѣли Троицкія Святки, почти совсѣмъ исчезъ праздникъ Купалы, превратившійся въ дѣтскую игру; потеряла много въ оживленіи масленица; удержались лишь два самыхъ главныхъ праздника—Різдво и Великдень; въ городахъ къ нимъросло много другихъ случайныхъ праздничныхъ дней, частью какъ результатъ ослабленія трудоспособности и проявленіе общественной распущенности. Різдво—главный зимній праздникъ сохранилъ отчасти старую обрядность въ гаданіяхъ и старую поэзію въ видѣ колядокъ и щедривокъ. Въ Слобожанщинѣ Різдво всегда справлялось торжественно. Живое описаніе того, какъ оно праздновалось въ 30—40 годахъ прошлаго вѣка далъ харьковскій писатель того времени Квитка-Основьяненко въ повѣсти „Панна Сотникова“ (на русск. языкѣ) и почти одновременно другой харьковскій писатель—Вадимъ Пассекъ въ 3-ей книгѣ „Очерковъ Россіи“. Въ самомъ Харьковѣ тогда пѣли на Рождество превосходныя колядки и щедривки, изъ коихъ 12 издано Пассекомъ въ 1840-мъ году. Колядки проникнуты доброжелательствомъ. Въ колядкахъ и щедривкахъ выражается представленіе народа о счастливой семейной жизни, иногда съ проведеніемъ уваженія къ грамотѣ и съ призваніемъ важности живой сердечной связи дѣтей съ родителями, напр., въ слѣдующей превосходной колядкѣ:

У нашего пана хорошая пані,
Богъ ему давъ славную жону в
його дому,
По двору ходить, якъ місяць
сходить,

По сінцяхъ ходить, якъ зоря
сходить.
Садила синківъ в чотири рядки,
Садила дочки в три рядочки,

Синочки зросли-у школу пішли,
А дочки зросли-у швачки пішли.
Синочки йдуть, книжечки не-
суть.

Книжечки на стіл, батеньки
до ніг,
А донечки хустки на піл, ма-
тюнці до ніг.

Самымъ красивымъ и торжественнымъ праздникомъ въ Слобожанщинѣ всегда былъ Великдень, или день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Высокая поэзія церковныхъ обрядовъ и пѣснопѣній вытѣснила или сильно измѣнила основныя древнія черты этого праздника возрожденія весенняго солнца. Почитаніе солнца, какъ творца жизни, и прежде всего урожая хлѣба, наложило на Великдень яркій свѣтлый отпечатокъ. Изъ остатковъ глубокой старины долѣе всего держался, мѣстами и нынѣ еще держится обычай приготовленія крашанокъ и писанокъ. Крашанками называются яйца, окрашенныя въ красный цвѣтъ, писанками—яйца разнообразной росписи съ геометрическими или растительными орнаментами. Круглое яйцо—символъ весенняго возрожденія солнца—стало символомъ Воскресенія Христа. Происхождение символа относится къ глубокой древности. Въ древнемъ Египтѣ и въ Персіи яйцо уже было символомъ солнца и принадлежностью солнечныхъ боговъ. Христіанство восприняло этотъ символъ и приспособило его къ евангельской исторіи. Возникли легенды о происхожденіи писанокъ. Одна легенда связана съ именемъ Маріи Магдалины—когда она впервые произнесла „Христось Воскресъ“,

Рис. 140. Писанка.

то всѣ яйца въ ея домѣ стали писанками. Другая легенда говоритъ, что одинъ бѣднякъ несъ въ корзинѣ яйца на базарь. Увидѣвъ Христа, изнемогающаго подъ тяжестью креста, онъ поставилъ корзину, помогъ Христу снести крестъ на Голгофу и, когда вернулся, то увидѣлъ, что всѣ яйца стали писанками.

Писанки расписывались дѣвчушками красками изъ домашнихъ цвѣтовъ разнообразными формами, большею частью въ видѣ геометрическихъ линий, часто въ видѣ цвѣтовъ, изрѣдка съ животной орнаментикой (пѣтушки, голуби). Во многихъ случаяхъ проявляется тонкое художественное чутье и широко

развитое чувство природы, напр., въ одной коллекціи писанокъ Лебединскаго уѣзда Харьк. губ. изъ 58 №№ всѣ зарисованы

только по двумъ мотивамъ-дубовый листь и вишневый листь, при чемъ у каждой особая манера расположенія листа.

Поэтическое творчество.

Въ жизни украинскаго народа большое значеніе имѣетъ поэзія, особенно пѣсни, преданія, сказки, легенды, пословицы. Въ народной словесности выражено много мягкаго и гуманнаго чувства, историческія воспоминанія о борьбѣ съ татарами и поляками; во многихъ пѣсняхъ и сказкахъ отразилась старая духовная школа и старая письменность, особенно старинныя церковныя проповѣди и, такъ называемые, апокрифы, или наполненные разными вымыслами рассказы на библейскія темы о сотвореніи міра и человѣка, объ Адамѣ и Евѣ, о потопѣ, о Соломонѣ, о Христѣ и Богородицѣ. Хранителями пѣсенъ и сказокъ были кобзари и байкари, особенно кобзари, до сихъ поръ встрѣчающіеся по городамъ и селамъ Харьковщины.

Рис. 141. Кобзарь.

Вѣрованія, сказки.

Наряду съ человѣческимъ міромъ въ жизни народа стоитъ міръ фантастическій. Взаимотношеніе между этими мірами съ теченіемъ времени сильно измѣнилось: сначала преобладалъ рѣшительно міръ фантазіи; нынѣ онъ занимаетъ очень скромное, вполне подчиненное и сильно урѣзанное положеніе. Нужно оговорить, что за фантастическимъ міромъ скрывалась нѣкогда большая реальная сила. Безъ Бога ни до порога. Святые повсюду принимали участіе. Демоны на каждомъ шагу подставляли ножку. Лѣшій посвисты-

валь въ лѣсу чуть не на каждомъ сухомъ пнѣ. Домовой—неизбѣжный обитатель конюшни и запечья. Безъ знахаря свадьба не обходилась. Вѣдьма вездѣ портила коровъ и т. д.,—на каждомъ шагу фантастическое существо вмѣшивалось въ жизнь человѣка, въ однихъ случаяхъ ее оберегало, хранило, въ другихъ—вредило, разрушало. Теперь остались одни обломки этого сложнаго духовнаго міра. По вѣрѣ народа—великъ Богъ и святые его; но ангелы облакаются туманомъ забвенія, черти тѣмъ болѣе; свадьбы обходятся безъ знахаря; держится еще кое-что небольшое; вѣдьмы, выдаивающія коровъ, клады, знахарское лѣчение болѣзней, завязываніе закрутки на хлѣбныхъ нивахъ и т. д. Суевѣрія болѣе держатся среди женщинъ, отчасти потому, что онѣ мало затронуты школой.

Фантастическій міръ народа не ограничивается одной демонологіей, или рассказами и повѣрьями о чертяхъ, вѣдьмахъ, домовыхъ, упыряхъ, вовкулахъ.

Сказки и легенды раскрываютъ много другихъ образовъ и представленій, никогда не существовавшихъ въ дѣйствительности, которымъ многіе вѣрятъ, и въ свободный отъ работы часъ о которыхъ охотно повѣствуютъ; напр., образы грозныхъ великановъ, злой Бабы-Яги, красавца-царевича, освобождающаго прекрасную царевну, похищенную чудовищемъ, о дѣвушкахъ въ видѣ лебедей, о мальчикѣ величиною съ пальчикъ, о превращеніи несчастной дѣвушки въ тополь, о превращеніи брата и сестры, полюбившихъ другъ друга, въ цвѣтокъ Иванъ да Марья, о сотвореніи міра Богомъ при участіи Сатанаила, о соотвореніи человѣка изъ глины, оплеваніи его Сатаной и возникшихъ отъ того болѣзняхъ, о супругахъ—солнцѣ и мѣсяцѣ—и дѣтяхъ ихъ звѣздахъ, о долѣ и недолѣ, какъ одна благоволитъ человѣку и за него работаетъ, а другая лѣнива и нерадива, о маленькихъ вредныхъ злыдняхъ, которые, вцѣпившись въ человѣка, дѣлаютъ изъ него несчастнаго бѣдняка и неудачника и т. д.—огромное количество разнообразныхъ сказаній и повѣрій, между которыми есть много превосходныхъ поэтическихъ.

Фантастическій міръ сказаній представленъ на Слобожанщинѣ весьма разнообразно. Для многихъ поколѣній онъ составлялъ главную духовную пищу. Передавали его бережно изъ рода въ родъ и пользовались имъ въ разнообразныхъ формахъ, въ горѣ для утѣшенія, въ радости для большаго веселья, въ разсужденіяхъ, разговорахъ и спорахъ для оправданія или укрѣпленія высказаной мысли. Много фантастическихъ сказокъ и повѣрій было въ разное время записано и напечатано въ разныхъ печатныхъ изданіяхъ. Старинные харьковскіе писатели—

Квитка, Щоголевъ широко ими пользовались. Квитка на нихъ построилъ большую часть своихъ повѣстей и рассказовъ.

Народная медицина.

Съ народной фантастикой тѣсно связана была въ старое время даже такая область, гдѣ ее, казалось бы, менѣ всего можно ожидать, и гдѣ она не должна имѣть приложенія—именно, лѣченіе людей и животныхъ. Лишь въ послѣднее время практическая научная медицина стала все болѣе и болѣе вытѣснять изъ жизни села старинное лѣчебное знахарство. Нельзя отрицать за сельскимъ знахарствомъ нѣкоторой пользы, особенно въ то время, когда не было земской медицины. Важно было уже то, что оно давало надежду, утѣшеніе, а иногда и исцѣленіе отъ болѣзни, такъ какъ наряду съ бесполезными приѣмами, часто пользовались дѣйствительно лѣчебными травами или удачнымъ примѣненіемъ растираній и согрѣваній.

У народа на низахъ держатся такіе способы лѣченія: 1) заговоръ, имѣющій иногда полезное практическое значеніе, какъ внушеніе, воздѣйствіе на психическую сторону больного, а черезъ нее и на физическое его страданіе, 2) церковныя средства—молитвословія, ладанки, spryskivaniya sv. vodoj, pomazaniya eleeemъ, въ значеніи такого же внушенія, 3) массажъ, какъ нѣчто болѣе реальное и дѣйствительное, иногда совпадающій съ приѣмами научной медицины, напр., „сѣканіе“—перебирание волосъ или массируваніе кожи на головѣ при головной боли, растираніе живота или спины при коликахъ, 4) теплая ванна или по просту въ корытѣ, или еще проще въ нагрѣтой печи, при ломотѣ и др., или накладываніе разогрѣтаго горшка на животъ, 5) лѣчебныя травы, среди которыхъ есть безусловно полезныя, напр., горечавка, принятая и научной медициной. Тертые сушеные черные тараканы, употребляемые у народа отъ водянки. перешли въ медицинскую практику также для лѣченія водянки.

Въ общемъ, народная жизнь представляетъ въ настоящее время чрезвычайно пеструю картину изъ самыхъ разнообразныхъ проявленій мысли и быта, съ весьма различными по времени наслоеніями, съ остатками отдаленной старины въ сказаніяхъ, обрядахъ и пѣсняхъ, въ повѣрьяхъ и обычаяхъ, и съ приобрѣтеніями послѣдняго времени, только что вошедшими въ старое міросозерцаніе и установившімъ бытъ. Въ современной сельской хатѣ на стѣнкѣ можно увидѣть фотографію хозяина и членовъ его семьи, въ скриньѣ револьверъ, въ шкафикѣ бутылочку дорогого ликера, купленного случайно на станціи у проѣзжихъ солдатъ. Въ новыхъ сказкахъ можно встрѣтить въ украинской

передачѣ разсказъ Льва Толстого о покаяніи ангела, а въ бесѣдѣ на сходѣ услышать обломокъ какой-нибудь западно-европейской экономической теоріи.

Чрезвычайная сложность и пестрота современного умственного и нравственного склада народной жизни требуютъ серьезнаго къ ней отношенія, внимательнаго изученія и осторожности въ заключительныхъ выводахъ и рѣшеніяхъ.